

18+

ДЖОН БЬЮКЕН

Охотничья башня

СЕРИЯ «СЕМНАДЦАТЫЙ ОТДЕЛ»

Джон Бьюкен

**Охотничья башня. Серия
«Семнадцатый отдел»**

«Издательские решения»

Бьюкен Д.

Охотничья башня. Серия «Семнадцатый отдел» / Д. Бьюкен —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562323-2

Респектабельный, недавно вышедший на пенсию бакалейщик неожиданно оказывается в гуще событий, связанных с похищением наследницы русского престола, заточенной в поместье «Охотничья башня». Первая книга Джона Бьюкена в серии о захватывающих приключениях Диксона Маккана.

ISBN 978-5-00-562323-2

© Бьюкен Д.
© Издательские решения

Содержание

Серия «Семнадцатый отдел»	6
Охотничья башня	7
ПРОЛОГ	8
КАК ВЫШЕДШИЙ НА ПЕНСИЮ ТОРГОВЕЦ	11
ПОЧУВСТВОВАЛ ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ	
О МИСТЕРЕ ДЖОНЕ ХЕРИТИДЖЕ И РАЗНИЦЕ	17
ВО ВЗГЛЯДАХ	
КАК ЧАЙЛД РОЛАНД (И С НИМ ЕЩЕ ОДИН	25
ДЖЕНТЛЬМЕН) К ТЕМНОЙ БАШНЕ ПРИШЕЛ	
ДУГАЛ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Охотничья башня

Серия «Семнадцатый отдел»

Джон Бьюкен

Переводчик Свен Карстен

Редактор Марина Тюлькина

© Джон Бьюкен, 2022

© Свен Карстен, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-2323-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия «Семнадцатый отдел»

Бьюкен Д. Охотничья башня
Бьюкен Д. Замой Гай
Бьюкен Д. Дом четырех ветров
Мистер Бонд, подвиньтесь. Лучшие рассказы о шпионах и разведчиках
Клоустон С. Шпион в черном
Бидинг Ф. Семеро спящих
Бидинг Ф. Тайное царство

Серия «Мир детектива»

Вышли

Хьюм Ф. Человек в рыжем парике
Смолл О. Дж. Образцовая загадка
Фримен Р. Остин. Тайна Анджелины Фруд
Хрущов-Сокольников Г. Джек – таинственный убийца: большой роман из англо-русской жизни
Мейсон А. Э. В. Дело в отеле «Семирамида». Бегущая вода
Александров В. Медуза
Панов С. Убийство в деревне Медведице. Полное собрание сочинений С. Панова
Мейсон А. Э. В. Страшнее тигра
Детектив на сцене. Пьесы о Шерлоке Холмсе

Готовятся

Бело А. Царица красоты
Декурсель П. Сын тайны или два ребенка
Феваль П. Жан-дьявол
Темме Й. Мельница на Черном болоте и другие новеллы
Мало Г. Разбитая жизнь
Мари Ж. Ошибка доктора Маделора
Хрущов-Сокольников Г. Петербургские крокодилы
Цеханович А. Петербургская Нана. Убийственная любовь
Цеханович А. Темный Петербург
Хоуп Э. Бриллиантовое ожерелье или история о двух дамах, джентльмене и нескромности герцогини
Фере О. Запутанное дело
Хьюм Ф. Таинственная тень
Габорио Э. Адская жизнь

Охотничья башня

*Посвящается
Уильяму Патону Керу*

Если профессор поэзии Оксфордского университета не забыл тех скал, из камня которых высечен он сам, эта простая история сможет развлечь его на час или два. Я посвящаю ее Вам, поскольку, думаю, Вам уже знаком мой друг Диксон Макканн, и смею надеяться, что во время своих многочисленных странствий в западных землях Вы, вполне возможно, пару раз натыкались и на одного-другого Дугала «Крепкого Орешка». Если Вы разделяете мои добрые чувства к Диксону, то, возможно, Вас заинтересуют и те новые факты о его происхождении, которые я недавно открыл. Оказывается, в его жилах течет часть доброй крови Николя Джарви Бейли. Когда этот джентльмен (не перепутайте с одноименным сортом виски) вернулся из путешествия к Роб Рою за край Хайлэнд-лейн, он женился на своей экономке Мэтти – «дочери честного человека и близкой кузине лэрда Лиммерфилда», как охарактеризовал ее сэр Вальтер Скотт в одной из своих поэм. Благословением этого союза стал их сын, унаследовавший винокурное дело родителя и в свое время давший жизнь двум дочерям. Одна из них впоследствии вышла замуж за некоего Эбенезера Макканна, упоминание о котором я нашел в архиве торгового дома Хаммермена в Глазго. Внук Эбенезера, Питер, был настоятелем кафедрального собора в Киркентил-лохе, а его второй сын является отцом моего героя от брака с Робиной Диксон, старшей дочерью Робина Диксона, арендатора фермы в Ленноксе. То есть, как видите, в родословной мистера Макканна есть красные нити, и если он, подобно Бейли, пожелает, то может проследить свое родство до самого Роб Роя через его «старую жену у костра в Штукаваллахане».

Как бы то ни было, я посвящаю эту историю Вам и не прошу после ее прочтения вынести вердикт лучше, чем тот, который вынес Гекльберри Финн, этот глубокий знаток жизни и литературы, сказавший про «Странствия пилигрима» авторства Джона Баньяна, что «книга эта интересная, хотя и неудобоваримая».

ПРОЛОГ

Девушка впорхнула в комнату стремительно, словно несущая весну ласточка, затем с той же птичьей быстротой огляделась и пробежала по натертому мастикой паркету к угловому дивану, на котором, вытянув на пуфик одну ногу, полулежал некий молодой человек.

– Я сохранила этот танец за тобой, Квентин, – доверительно сообщила она, преувеличенно отчетливо произнося его имя. – Но ты, похоже, не в настроении танцевать, поэтому я просто посижу здесь с тобой. Итак, о чем мы будем разговаривать?

Молодой человек ответил не сразу, так как не мог оторвать взгляда от лица девушки. Мог ли он предположить, что та довольно невзрачная и неуклюжая девочка, с которой он много лет назад играл в Париже, вырастет и превратится в такого ангела? Изящный чувственный силуэт ее фигуры, естественная белизна кожи, золото волос, очаровательная форма чуть надменных глаз – какая красота, подумал он, какое чудо и откровение! Непорочность ее юности и похожее на всполох огня красное платье придавали ей вид неземного существа, сотворенного из льда и пламени.

– Пожалуй, мы поговорим о тебе, Саския, – ответил юноша. – Что ж, стала ли ты счастливее теперь, после твоего первого выхода в свет?

– Счастливее! – В ее голосе послышался легкий трепет, словно бы от холода дрожала сама музыка. – Дни так коротки, они летят слишком быстро! Я сожалею о времени, впустую потраченном на сон. Всем очень жаль, что мой дебют в свете пришелся на время войны. Но свет оказался милостив ко мне, да и эта война просто обязана стать победоносной для России! И знаешь что еще, Квентин? Уже завтра мне дозволено начать работать сестрой милосердия в Александровской больнице! Что скажешь?..

Разговор этот происходил в начале января 1916 года в одной из комнат большого дворца князя Нирского. В этой неприхотливо обставленной комнате, где князь Петр Нирский хранил некоторые из сокровищ своей знаменитой коллекции, не чувствовалось ни холодного дыхания заснеженных улиц за окном, ни даже намек на идущую где-то войну. Комната отличалась от прочих почти полным отсутствием украшений и драпировки: кроме двух угловых диванчиков здесь было только несколько прекрасного качества ковриков на полу из сибирского кедра. Стены были из зеленого с малахитовыми прожилками мрамора, потолок же – из мрамора более темного, инкрустированного белым. Вдоль стен стояли шкафы и витрины, заполненные роскошным селадоновым фарфором, резным нефритом и слоновой костью, между ними мерцали глазурью персидские и родосские вазы. Во всей комнате вы не нашли бы ярких красок, блеска металла или позолоты. Свет исходил из зеленых алебастровых кадилейниц, и в их холодном малахитовом сиянии комната напоминала затопленную океаном пещеру. Воздух был теплым и благоуханным, и хотя в самой комнате было очень тихо, гул голосов и звуки вальса еле слышно доносились до нее из коридора, а на колоннах отражались всполохи света из большого бального зала.

У молодого человека, которого называли Квентином, было узкое лицо, уже отмеченное морщинками страдания в уголках глаз, которое в тепле комнаты несколько раскраснелось, что только подчеркнуло его хрупкость. Обстановка слегка давила на него, и комната представлялась юноше чем-то вроде оранжереи, хотя сам он очень хорошо знал, что этот званный вечер никоим образом не был типичным для воюющей страны или хозяев этого дворца. Всего неделю назад он делил черный хлеб с князем Нирским в крестьянской избе на Волынском фронте.

– Ты потрясающе выглядишь, Саския, – сказал он. – Я не хочу делать комплименты своей подруге по детским играм, да и ты, полагаю, от них уже устала. Я просто пожелаю тебе в этот день счастья – такого счастья, которое достойно принцессы из сказки. Большого такая старая

кляча, как я, сделать для тебя не в состоянии. Воинская служба оказалась для меня неудачной, из-за этого и тебе приходится зря терять время, разговаривая со мной.

– Квентин, бедный! – она дотронулась до его ладони. – Твоя рана очень болит?

– Вовсе нет, – рассмеялся он. – Она отлично заживает. Думаю, через месяц я уже смогу обходиться без трости, а после ты научишь меня всем этим модным танцам.

Их коридора донеслась мелодия тустепа. Ритмичные звуки заставили юношу внутренне сжаться, потому что перед его мысленным взором вдруг предстало мертвое лицо его товарища, который любил насвистывать этот мотив. Он умер в грязи у бельгийской деревни Холленбек во мраке ноябрьских сумерек, и теперь в этой веселой мелодии Квентину слышалось что-то жуткое... Да, этим вечером он определенно чувствовал себя больным и разбитым, потому что в доме, в комнате, в танцах, да и во всей России ощущалось что-то мрачное, словно над ней и над всем божьим миром опускался тяжелый темный занавес. В посольстве, где он поделился своими опасениями, с ним не согласились, но Квентин никак не мог избавиться от этих докучливых мыслей.

Саския заметила его подавленность.

– О чем ты думаешь? – спросила она. В детстве это был ее любимый вопрос.

– Я вдруг подумал, что тебе не стоило возвращаться в столицу из Парижа.

– Но почему?

– Там ты была бы в большей безопасности.

– Ах, что за вздор, дорогой мой Квентин! Где же мне быть в безопасности, если не в моей собственной стране, в России? Здесь все мои друзья – ах как их много! – а также толпы и толпы родственников. Это Франция и Англия для меня небезопасны, потому что пушки уже грохочут у их дверей... А здесь, в столице, меня, пожалуй, слишком уж берегут и обкладывают пуховыми подушками. Я в такой безопасности, Квентин, что, признаюсь, даже ненавижу ее!

Юноша взял со столика небольшую изящную нефритовую шкатулку, снял с нее резную крышку и достал три фигурки из слоновой кости: священника с бородой, солдата с ружьем и быка в тягловом ярме. Выстроив статуэтки на столешнице, он указал на них девушке.

– Смотри, Саския! Если бы ты жила в этой шкатулке, то тоже считала бы, что находишься в безопасности. Ты бы верила в толщину стен и твердость камня и мирно спала бы в зеленых сумерках нефрита. Но в любой момент эта шкатулка может свалиться со столика на пол и разлететься на куски – на сто тысяч осколков!

– Ты не понимаешь, Квентин, – покачала она головой. – Наш род старый и сильный, словно древний дуб, и наши корни уходят глубоко в землю.

– Молю Господа, чтобы так оно и было! – воскликнул юноша. – Но знай, Саския, что если я когда-нибудь понадобится тебе, будет достаточно лишь призвать меня. В настоящий момент я могу служить тебе не больше, чем мышка может прислуживать Василисе Прекрасной – в начале сказки. Но помни, что и у сказки есть конец, и, возможно, когда-нибудь я тебе пригожусь. Обещай тогда послать за мной.

Девушка засмеялась и процитировала стишок из их совместного детства:

«Король Испании далекой

Приехал свататься ко мне —

В расшитом золотом камзоле

И на горячем скакуне!»

Юноша тоже рассмеялся, потому что именно в этот момент в комнату в мундире Преображенского полка вошел еще один молодой человек – он разыскивал Саскию, чтобы пригласить ее на танец.

– Испанского скакуна у меня нет, – ответил Квентин, – разве что найдется Конек-Горбун. Но и он может перенести тебя через море в безопасное место.

– Я обещаю тебе, Квентин, все, что ты пожелаешь, – сказала девушка, вставая. – Скоро я вернусь, чтобы отвести тебя к праздничному столу, и мы весь вечер будем говорить только о сказках.

Юноша проводил взглядом два силуэта, сверкнувшие золотом и пламенем и исчезнувшие в темной арке дверного проема. Затем, тяжело опершись на столик со шкатулкой, он поднялся на ноги, решив пойти понаблюдать, как Саския танцует с другими. Что-то дрогнуло и сдвинулось рядом с его рукой, и он вовремя повернулся, чтобы подхватить падающую нефритовую шкатулку – почти у самого пола. Две фигурки, однако, соскользнули вниз и разбились.

Он собрал осколки и положил их на столик.

– Священник и солдат убиты, осталось только выючное животное. Если бы я верил в приметы, то назвал бы это дурным предзнаменованием.

КАК ВЫШЕДШИЙ НА ПЕНСИЮ ТОРГОВЕЦ ПОЧУВСТВОВАЛ ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Мистер Диксон Макканн завершил ежедневный ритуал бритья полировкой полотенцем своих гладких щек, еще раз с удовлетворением взглянул на собственное отражение в зеркале, а потом перевел взгляд на окно комнаты. В палисаднике распускалась сирень, а возле крохотной оранжереи золотой полосой красовались нарциссы. За закопченным кирпичным забором хвасталась новыми сережками тонкая березка, а еще дальше, над шпилем мемориала Гатри Кирка, темными точками кружили галки. Из тернового куста весело свистнул черный дрозд, и мистер Макканн вдруг почувствовал острую необходимость последовать его примеру. Он начал насвистывать народную песенку «Женушка Джона Роя из Альдивал-лоха» – довольно близко к мелодии, кстати.

Он чувствовал себя необычайно беззаботным, и непосредственной причиной тому была его новая безопасная бритва. Неделью назад он купил ее во внезапном приступе расточительности и теперь мог побриться за пять минут, а не за двадцать, как раньше, да еще и перестал каждый третий день смешить своих друзей заклеенной кусочками лейкопластыря физиономией. Быстро произведенные расчеты показывали, что за тридцать семь лет бритья он впустую потратил три тысячи триста семьдесят часов, или сто сорок дней, или от четырех до пяти месяцев – и все из-за пренебрежения этим замечательным изобретением. Теперь же он чувствовал себя так, будто украденное у самого себя время вновь возвратилось к нему. Жаль только, что так поздно, уже на пенсии.

Он принялся натягивать на себя строгий деловой костюм, с которым он буквально сросся за годы службы в магазине на Мирнс-стрит, но тут ему в голову пришла мысль, заставившая его снять серые в полоску брюки, присесть на край кровати и задуматься.

С прошлой субботы он больше не работал в магазине. В тот день, в половине двенадцатого, под звон рюмок, наполненных сомнительного качества хересом, он завершил передачу продуктовой лавки на Мирнс-стрит, которая так долго носила имя Д. Макканна, и ее дочерних филиалов в Кроссмилуфе и Шоу в собственность компании «Объединенные Продукты Лимитед». В качестве оплаты он получил наличные, облигации и привилегированные акции компании, и это была, по мнению юристов и самого Макканна, выгодная для него сделка. Но все воскресенье ему было немножко грустно. Старая песня подошла к концу, а другой мелодии он не знал. Он чувствовал себя вовсе не плохо: здоровым и свободным от жизненных забот... но также и от каких-либо жизненных обязательств. И вчерашним вечером он спрашивал себя, не начал ли он с этого дня превращаться в бесполезного, никому не нужного старика?

Но утром понедельника он проснулся от песенки дрозда, и мир, который двенадцать часов назад казался таким пустым, теперь представлялся оживленным и даже манящим. Быстрое и безопасное бритье лишь утвердило его в этой мысли. «Я не так уж и стар», – сидя на краю кровати, сообщил мистер Макканн своему отражению в зеркале.

Лицо его действительно вовсе не выглядело старым. Конечно, его светло-русые волосы были немного редкими на макушке и слегка седыми на висках, и фигура была скорее полной, чем юношески стройной, а на мясистой шее уже намечался второй подбородок, но щеки были румяными, кожа чистой, а светлые глаза смотрели на мир по-детски открыто и наивно. Эти глаза, надо сказать, были слегка близорукими, и им было сложно долго держать в фокусе один и тот же объект, так что мистер Макканн часто отводил взгляд в сторону, вследствие чего совершенно незаслуженно приобрел у покупателей репутацию большого хитреца. Теперь, чисто выбритый, он выглядел умудренным жизнью пухлым школьником. Подмигнув своему отражению, мистер Макканн перестал насвистывать и придал своему лицу выражение благородной строгости. Но уже через секунду он рассмеялся и пробормотал, что «в старом очаге еще

горит огонь», употребив расхожее во времена его юности выражение. В этот момент в душе его и стал зарождаться Великий план.

Первым признаком этого зарождения было то, что мистер Макканн бесцеремонно скинул на пол всю деловую одежду. Далее он покопался на дне глубокого сундука и извлек на свет божий твидовый костюм с самой дурной репутацией. Когда-то тот был благородного зеленого цвета, но теперь материя несколько выцвела, сохранив прежнюю окраску лишь в паре укромных мест, что делало их похожими на пятна мха на камнях. Мистер Макканн с любовью осмотрел костюм со всех сторон, потому что вот уже двадцать лет он был его праздничной одеждой, которая ежегодно в течение священного месяца отпуска выбелялась солью и обесцвечивалась солнцем. Затем он надел его и постоял минутку, окутанный запахом камфоры. Спортивную экипировку завершили пара тяжелых, подбитых гвоздями ботинок и фланелевая рубашка с воротником. Мистер Макканн еще раз осмотрел себя в зеркале, а затем, насвистывая, спустился к завтраку. Мелодией на этот раз явилась песня «Сбирайся, клан МакГрегоров», и звуки ее подхватил угольщик, гремящий за окном своей лопатой, – тоже МакГрегор, кстати. В это утро мистер Макканн прямо-таки фонтанировал музыкой.

Тибби, пожилая горничная, уже приготовила для него на столе тарелки и утреннюю почту, а на сковороде приятно шкворчали яйца с ветчиной. Мистер Макканн приступил к еде с аппетитом, но все еще несколько задумчиво, и добрался уже до лепешек и джема, прежде чем бросил взгляд на ожидавшие его письма. Сверху лежало письмо от жены, отдохавшей сейчас на курорте в Нойке. Она сообщала, что здоровье ее улучшается и что она встретила кого-то, кто знал еще кого-то, а с теми людьми когда-то была знакома и она. Мистер Макканн прочитал надушенные страницы и улыбнулся. «Мамочка прекрасно себя чувствует», – сообщил он своему отражению в заварочном чайнике. Он знал, что для жены поездка на воды представлялась подобием земного рая, где она могла надевать к завтраку вечернее платье и увешиваться всеми своими драгоценностями, пять раз в сутки предаваться обильной трапезе, новизна которой искупала скверное приготовление блюд, и сводить знакомство с огромным числом других отдыхающих, чтобы обсуждать с ними болезни, ленивых слуг, внезапные смерти и запутанные родословные представителей общего для них социального класса. Сам же мистер Макканн до чертиков ненавидел курорты и лечение водами. Однажды в компании жены он провел на одном из подобных курортов поистине черную неделю. Тамошнюю пищу он нашел несъедобной, не менее отвратительными оказались и турецкие бани (поскольку там нужно было обнажать свое тело перед незнакомцами), также его все время раздражали пустые разговоры жены и общее безделье. У него снова промелькнула мысль, которую он никогда не разрешал себе сформулировать до конца: когда-то они с женой жили душа в душу, но с тех пор как умер их ребенок, их жизни пошли разными дорогами. Джанет! Перед его мысленным взором возникла серьезная маленькая девочка в белом платьице, которая умерла давным-давно и тоже весной.

Возможно, на него подействовали воспоминания о курортной неделе или, что более вероятно, тонкий и чистый аромат нарциссов, которыми Тибби украсила стол, но задолго до того как завтрак закончился, Великий план перестал быть воздушным видением в его голове и превратился в устойчивую каменную конструкцию. Мистер Макканн, надо сразу сказать, был неисправимым романтиком.

Он вел скучную жизнь с того самого дня, как впервые вошел в магазин своего дяди, надеясь когда-нибудь в будущем стать преемником и наследником этого честного представителя бакалейного дела, и с той поры ноги его ни разу не отклонились от намеченного пути. Но разум его, словно сознание умирающего гладиатора, всегда был далеко от арены жизненной битвы. Мальчишкой он пристрастился путешествовать с помощью книг, и они открыли перед ним мир, в котором он был свободен строить свою судьбу в соответствии со своими причудливыми фантазиями. Нельзя сказать, что юный Макканн был прирожденным читателем. Нет,

читал он медленно и брал в руки книги лишь определенного жанра. Сэр Вальтер Скотт был его первым проводником в этом новом мире, но Макканн читал его романы не ради того, чтобы научиться понимать человеческие характеры или узнавать исторические факты. Они давали ему материал, который он мог положить в основание собственных фантастических путешествий. То же самое было и с Диккенсом. Полутемный трактир, дилижанс, почтовые лошади, стук копыт по морозной дороге – они ударили ему в голову, точно молодое вино. Он был якобитом не потому, что имел какие-то особые взгляды на Божественное право, а потому, что перед его глазами всегда стоял образ группы авантюристов в плащах, только что приплывших из Франции и тайком высадившихся на заросший вереском шотландский берег.

Подчиняясь этому избранному правилу, он составил себе небольшую библиотеку: Дефо, Хаклайт, Хэзлитт и прочие эссеисты, немного Босуэлла, парочка непритязательных романов и несколько сборников энергичной поэзии. Его вкусы стали известны окружающим, и он приобрел в глазах публики репутацию начитанного человека. Его даже избрали в президенты литературного общества имени Гатри Кирка, и он написал для него множество брызжущих энтузиазмом статей, которые редко кто решался критиковать. Трижды он был председателем на ужинах в честь юбилеев Роберта Бернса, где произносил хвалебные речи этому национальному барду, но не потому, что восхищался им – сказать по правде, Бернса он считал довольно вульгарным, – а потому, что воспринимал поэта как символ «небернсовской» литературы, которую он любил. Мистер Макканн, однако, вовсе не стремился стать специалистом в области литературы и не придавал никакого значения возвышенности стиля. Он, так сказать, выращивал цветы в собственном палисаднике, и ему не было дела до их родословной, пока они предлагали ему ту красоту и тот аромат, который он в них искал. И слово «аромат» представляется тут как нельзя кстати, поскольку в литературе звуки самих слов он ценил больше, чем их живописность. У него была страсть к словам и ритмам, и его неделями преследовали прихотливо построенные фразы, которые он смаковал на языке, словно выдержанное вино. Давным-давно, когда он был еще не в состоянии себе этого позволить, он купил полное эдинбургское собрание сочинений Стивенсона. Это были единственные действительно большие книги на его полках, а так-то мистер Макканн любил книжки карманного формата – такие, которые можно без труда уместить в саквояже, отправляясь в неожиданное путешествие.

Путешествие, которое он ни разу не предпринял за тридцать семь лет! Одиннадцать месяцев в году его связывал по рукам и ногам магазин, а весь двенадцатый – супруга, прихватывающая его с собой на какой-нибудь приморский курорт. Но мистер Макканн не волновался по этому поводу, так как его устраивали и мечты. Ко времени отпуска он всегда уже немного уставал, что давало жене возможность говорить ему, что он стареет. Он утешал себя философскими сентенциями из книг любимых авторов, но вряд ли действительно нуждался в утешении, ибо мистер Макканн в совершенстве умел довольствоваться малым.

Но сегодня с ним что-то случилось. Весеннее утро и безопасная бритва убедили его, что он все еще молод. Продажа бакалейной лавки подарила ему неограниченный досуг. Провидение сделало то, в чем он себе долгие годы отказывал. Колея, по которой он катился, закончилась и уступила место зеленому лугу. Мистер Макканн повторил про себя строфу Роберта Браунинга, которой он имел обыкновение волновать сердца молодежи в литературном обществе имени Гатри Кирка:

*«Что возраст старика? Он должен поспешить
И втиснуть в день один все то, что в юности далекой
Вмещалось в год. Мы для трудов лишь стары.
Мафусаил был стар, но все ж родил Саула
И вновь пустился в путь – так кто же, как не он? —
И путь тот был приятный».*

Это может прозвучать банально, но именно эти строки помогли мистеру Макканну заглянуть в самые глубины своего сердца. Отпуск в одиночестве! Разумеется, пешком и налегке. Все необходимое он сложит в рюкзак, а подходящая одежда у него уже есть. Рюкзак тоже имеется и ждет в сундуке наверху; его он предусмотрительно купил на распродаже несколько лет назад. Да, рюкзак, плащ от дождя и палка – вот все, что ему нужно. Но следует взять и книгу, и мистер Макканн, закулив трубку, задумался, какой именно она должна быть. Очевидно, поэтической – ведь была весна! – и кроме того, все поэтические сборники у него были небольшого формата. Он долго стоял перед книжными полками, пытаясь выбрать подходящий томик и отвергая авторов одного за другим, как не соответствующих его настроению. Браунинг, Китс, Шелли – все они казались ему более подходящими для чтения у очага, чем в дороге. Он не хотел ничего шотландского, так как считал, что весна в Англии богаче, и англичане лучше смогли бы ее выразить. Он взвесил на ладони «Оксфордскую антологию поэзии» и поставил обратно: книга оказалась тяжелой, а издания на тонкой бумаге у него не было. В конце концов, он выбрал Исаака Уолтона. Хотя сам мистер Макканн никогда в жизни не рыбачил, но книжку «Бывалый рыболов» он считал подходящей своему настроению. Тот Рыболов был тоже старым и мудрым, но юношески любознательным и энергичным. Мистер Макканн вспомнил ниспадающие ритмы его строф, его деревенские песни и ученые размышления. Несомненно, это был подходящий сценарий для его паломничества.

Что характерно, о цели своего путешествия мистер Макканн задумался в последнюю очередь. Каждая частичка мира за дверями его дома имела свое собственное очарование для понимающего глаза. В такое свежее утро в мире не могло быть ничего нечистого или скверного, и свою прелесть имела бы даже прогулка по дну угольного карьера. Но поскольку у мистера Макканна было право выбора, он принялся выбирать, не торопясь и растягивая удовольствие. В шотландские горы он не пойдет – весна там, среди мхов и болот, приходит поздно. Ему хотелось отправиться куда-нибудь, где имелись бы леса, поля и гостиницы, и желательно все это недалеко от моря. Куда-нибудь туда, куда не надо добираться на поезде, но и не слишком близко, чтобы природа оставалась нетронутой. Вскоре на ум ему пришел Кэррик. Вспомнилась приятная зеленая местность с белыми меловыми дорогами и придорожными трактирами, в которых когда-то останавливался сам Роберт Бернс; Кэррик лежал в низине, но все же рядом были и горы, и вольное море. Мистер Макканн наметил своей целью Кэррик, отыскал карту и распланировал маршрут.

Потом он достал рюкзак, упаковал в него несколько сменных предметов одежды и послал Тибби купить в лавочке шоколада и табаку, а также обналичить чек в банке. Ожидая ее возвращения, он предавался восхитительным мечтаниям. Он представлял себя, с каждым днем все более загорелого и стройного, видел, как идет по обочине широкого шоссе или бродит по улочкам маленького городка. Вообразил себе момент привала, когда он сбросит рюкзак и закурит «у калитки в поле у межи» – и он улыбнулся вспомнившейся вдруг строфе Бернса. По дороге он будет приветствовать встретившихся ему взмахом руки и останавливаться поговорить с самыми разными людьми – воодушевляющая перспектива, поскольку мистер Макканн любил себе подобных. А потом настанет вечерний час, когда он, приятно уставший, взойдет на вершину холма и увидит внизу приветливые огоньки маленького городка и ожидающей его гостиницы. Будет и время после ужина при свете лампы, когда он будет читать и размышлять о прочитанном, будет и час радостного утра, когда и табак сладок на вкус, и пятьдесят лет кажутся молодостью. Это должен был быть совершеннейший праздник отпуска, поскольку никакие торговые дела уже не будут цепляться за полы его сюртука. Он уверил себя, что начал новую жизнь и сможет теперь возвращать ее ростки, почти было увядшие в густой и протяженной тени от стены магазина. Был ли когда-нибудь на свете человек более удачливый и более свободный, чем он теперь?

Тибби он сообщил, что уезжает на неделю или две. Пересылать письма не нужно, поскольку он будет постоянно переезжать, но миссис Макканн на курорте Нойка будет информирована о его местонахождении. Вскоре он уже стоял на крыльце своего дома – коренастая фигура в старом твидовом пиджаке, с рюкзаком за плечами и толстой ореховой палкой в руке. Случайный прохожий увидел бы перед собой лишь пожилого лавочника, решившего провести

один день в деревне, то есть невзрачного человечка с невзрачными планами. Но этот прохожий ошибся бы, так как не имел возможности заглянуть своему встречному в сердце. Там, глубоко внутри, толстенький его соотечественник был вечным странником; он был Язоном, Одиссеем, Эриком Рыжим, Альбукерке и Кортесом в одном лице, он был пилигримом, начинающим открывать новые миры.

Перед отъездом мистер Макканн дал Тибби письмо для отправки. В то утро он получил письмо от доброжелательного знакомого, некоего Макинтоша, который сообщил ему о появлении в округе группы мальчишек, называющих себя «Крепкими Орешками». Позади Мирнстрит находился район трущоб, полный малолетних хулиганов, с которыми полицейские вели беспощадную затяжную войну. Но в последнее время среди них появились организованные отряды – что-то вроде неофициальных и несанкционированных бойскаутов, которые без униформы, значков или галстуков последовали за знаменем сэра Роберта Баден-Пауэлла, основателя бойскаутского движения, и создали нечто более дисциплинированное. Они были слишком бедны, чтобы платить взносы и присоединиться к настоящим бойскаутам, но честно копировали всё, что, по их мнению, было характерно для более успешных и удачливых мальчиков. Мистер Макканн пару раз был свидетелем их довольно жалких парадов и даже недолго разговаривал с их предводителем, рыжеволосым дикарем по имени Дугал. Филантроп Макинтош проявил интерес и участие к банде Дугала и теперь собирал по подписке деньги для того, чтобы отправить мальчишек в бойскаутский лагерь на все лето.

После прочтения этого письма мистер Макканн, преисполненный молодого задора, почувствовал, что не вправе отказать другим в том, что он наметил для самого себя, поэтому последним его поступком перед отъездом была отсылка Макинтошу целых десяти фунтов на доброе дело.

О МИСТЕРЕ ДЖОНЕ ХЕРИТИДЖЕ И РАЗНИЦЕ ВО ВЗГЛЯДАХ

Первый этап своего паломничества Диксон Макканн, пожалуй, запомнит на всю жизнь. Вскоре после полудня он вышел из грязного вагона третьего класса на перрон маленькой станции, название которой я забыл. В соседней деревне он купил свежее испеченные булочки и свое любимое имбирное печенье, и пока с рюкзаком за плечами шел к околице, удостоился нескольких приветственных возгласов от местных мальчишек: «Эй, посмотрите, старый дурак снова отправился в школу!». Воздух был чист и напоен светом, словно в морозное утро. Дорога вела его от вересковых пустошей, где, невидимые, завывали кроншнепы, к пастбищам в долине, усеянной белыми точками громко блеющих ягнят. Свежая трава благоухала теплым ароматом молока. Мистер Макканн на ходу жевал булочки, поскольку решил не тратить зря времени на плотный обед в таверне, а вскоре, увидев в поле у межи подходящую калитку, остановился возле нее покурить. На симпатичной лужайке рядом с живописным каменным мостиком он сделал уже более основательный привал: достав из рюкзака томик Уолтона, он прочитал из него первую главу, называвшуюся «Ловля голавля». Аллитерация, заключенная в этой фразе, буквально загрозила мистера Макканна и вдохновила его на попытку стихосложения: *кровля короля – торговля миндаля – готовля журавля*. Но очень скоро рифмы закончились, поэтому, к сожалению, ничего путного у него не вышло.

Оставшаяся часть дороги оказалась такой же идиллической, каким было и ее начало. Неторопливо прошагав миллю-другую, мистер Макканн останавливался возле ручьев, чтобы понаблюдать за форелью в прудах, или любовался с высоты сухой каменной дамбы играми и прыжками новорожденных ягнят, выбивающих копытцами пыль из кустиков сухого болотного вереска. У одной разлапистой ели ему посчастливилось увидеть трех ополоумевших зайцев, бегающих кругами в подобию весеннего вальса. Щеки мистера Макканна разругало солнышко, и он буквально наслаждался пасторальной атмосферой, окружавшей его. Когда тени начали удлиняться, он прибыл в деревню Клонкай, где запланировал переночевать. Гостиница оказалась грязной, но ему посчастливилось отыскать вполне приличный пансион некоей вдовы, которая, если верить табличке над дверью, звалась «Миссис Кротки, чай и кофе», и которая была готова предложить ему ночлег. Там он сытно поужинал яичницей с ветчиной, попутно разглядывая прихотливую вышивку крестиком на стене напротив: «Добродетели Завета» – значилось на ней буквами с завитушками. Ровно в половине девятого мистер Макканн лег в постель и спал спокойно.

На следующее утро он проснулся в неудобном, изменившемся мире. Небо было серым и таким низким, что за грядками с капустой сразу начинались облака, сулящие дождь. К тому же было прохладно, поэтому он позавтракал не в саду, а возле камина. За завтраком вдова развлекала его рассказом о своих многочисленных родственниках, дальних и близких, которых оказалось такое количество, что у мистера Макканна создалось впечатление, будто клан Кротки, строго по библейскому завету, унаследовал всю землю. Диксон сочувственно выслушал этот пространственный рассказ, поскольку ему хотелось подольше задержаться у огня – после вчерашнего резкого старта он чувствовал себя несколько одеревеневшим, но дух его был еще бодр.

Начало дороги вышло не совсем таким, каким он представлял его дома. Рюкзак казался ему тяжелее, ботинки неудобнее, а трубка все время гасла. Первые пару миль шли в гору, в левое ухо дул холодный ветер, а в ландшафте вокруг не удавалось найти никаких других оттенков, кроме серого и буро-коричневого. Мистер Макканн осознал, что его вчерашнее хорошее настроение сменилось унынием и мрачностью, встряхнулся и приказал себе выкинуть из головы все грустные мысли. Он глубоко вздохнул, потянулся и сказал себе, что такая

облачность гораздо лучше, чем солнечный свет. Также он вспомнил, что в романах путешественники всегда боролись с дождем и встречным ветром. Вскоре мышцы его перестали ныть, в тело вернулась бодрость, а в душу покой.

Еще дальше по дороге он обогнал группу бродяг и заговорил с ними. Низшие классы всегда были ему симпатичны, хотя с их представителями мистер Макканн, за исключением городских нищих, почти не сталкивался. Он представлял себе бродяг кем-то вроде странствующих философов, готовых в любую минуту родить глубокомысленную сентенцию или меткое наблюдение в стиле авторов дорожных путеводителей. Но в этот раз ему попались какие-то другие, неправильные, бродяги, которые быстро разочаровали его. Это были красноносый мужчина с лицом хорька, женщина, загибающая при ходьбе ногами, и ребенок в коляске совершенно безумной конструкции. Разговор с ними вышел вовсе не философским и быстро перешел в перечисление свалившихся на них несчастий и жалобные просьбы о помощи. Избавление от этих попутчиков стоило мистеру Макканну полкроны.

Скоро на дороге стало не продохнуть от бродяг. Следующий заговорил с ним уже сам: назвав мистера Макканна «начальником», он попросил указать ему кратчайший путь отсюда, из Шотландии, в Манчестер. Этот выбор цели для путешествия настолько поразил Диксона, что он принялся задавать уточняющие вопросы и услышал путаный рассказ об Австралии и полной бедствий жизни там, которая, казалось, прямоком вела его собеседника от одной катастрофы к другой. В этом авантюристе тоже не нашлось ничего философского или жизнеутверждающего. Напротив, в нем чувствовалась даже какая-то угроза. С завистью посмотрев на непромокаемый плащ мистера Макканна, бродяга заявил, что еще вчера был обладателем точно такого же, но прошлой ночью какой-то негодяй украл его. Будь это место безлюдным, дело могло бы кончиться грабежом, но к счастью они как раз входили в деревню, и вид придорожного трактира пробудил у бродяги сильную жажду. Диксон отделался от него шестипенсовиком на выпивку.

Больше мистер Макканн не заводил разговоров с попутчиками. Еще через милю он обогнал хромого старика, поделившегося с ним планами наняться рабочим на ближайшую камолоню. Этот бродяга тоже был недоволен всем миром. Хромота, по его словам, была последствием столкновения «с одним из этих чертовых самокатчиков» много лет тому назад. Старое словечко, обозначавшее в годы его юности велосипедистов, оживило воспоминания Диксона, и он почувствовал себя готовым на дорожную дружбу. Но чувства старика оказались совершенно противоположного свойства. Он угрюмо поинтересовался, «какого черта от него хотят», и когда мистер Макканн объяснил это, ему посоветовали «не быть чертовым дураком», потому что такого рода дурак «не сыщет себе чертовой работы». Когда мистер Макканн попробовал расспросить старика о его жизни, тот, как любят писать в газетах, «замкнулся в молчании», а добравшись до поворота к карьере, даже не махнул рукой на прощание. «Убирайся к черту, – были его последние слова. – Ходят тут всякие, только к людям пристают!»

Итак, утро выдалось неудачным, но свежий воздух предгорий пробудил в Диксоне такой аппетит, что он решил сделать исключение из правила питаться на ходу и попытаться получить второй завтрак в гостинице городка Килкрест, до которого он как раз добрался. Там его ожидало знакомство, весьма поднявшее ему настроение. За одним столом с ним завтракал торговец вразнос, который прибыл в Килкрест за очередной партией товара, и у них завязался приятный деловой разговор. Торговец вполне информированно рассуждал о компании «Объединенные Продукты Лимитед», об их перспективах, а также их предшественнике, мистере Макканне из Глазго, о хорошей репутации которого он был наслышан, хотя и никогда не встречал этого достойного джентльмена лично. «Мистер Макканн – это голова! – заметил он, подчищая хлебом остатки еды с тарелки. – Я всегда говорил, что в Глазго нет второй такой головы, как у мистера Макканна. Его фирма старой закалки, но идет в ногу со временем. Мне рассказывали, что сам он теперь на пенсии, и это, на мой взгляд, большая потеря для шотландской

торговли!». Сердце Диксона согрелось от этих слов. Вот она, романтика путешествия: можно войти в обычную гостиницу и обнаружить, что слава твоя бежит впереди тебя. Внутренне ликуя и положительно наслаждаясь знакомством, Диксон угостил торговца рюмкой ликера и сигарой, а потом раскрыл перед ним свое инкогнито. «Диксон Макканн – это я, – доверительно сообщил он, наклонившись поближе, – и я не на пенсии, а только в коротком отпуске. Если я могу что-нибудь сделать для тебя, то просто дай мне знать, когда я вернусь». Расстались они с уверениями во взаимном уважении.

Хорошее настроение потребовалось Диксону немедленно, поскольку за дверями гостиницы уже накрапывал дождь. Окрестности Килкрита и в солнечную-то погоду были не слишком привлекательны, а в дождливую навевали меланхолию сродни кладбищенской. Но встреча с торговцем сотворила чудо, и Диксон энергично зашагал навстречу дождю и ветру, застегнув воротник непромокаемого плаща до подбородка. Дорога привела его к болоту, в разъезженной колее образовались лужи, туман скрывал обочины, и по сторонам не было видно ничего, кроме ярда-другого мокрого вереска. Вскоре Диксон промок, ботинки, тело и рюкзак превратились в одну огромную поглощающую воду губку. Водонепроницаемость плаща оказалась рекламным трюком, и влага проникала внутрь до самых интимных предметов одежды Диксона. Но это его мало заботило. Он чувствовал себя даже еще лучше и моложе, чем в первый, вполне идиллический день. Он наслаждался порывами бури, и одна мокрая миля сменяла другую под аккомпанемент его криков и смеха. Теперь дорога была пустынна, поэтому Диксон мог громко говорить сам с собой, размахивать руками и декламировать любимые стихи. Около пяти часов вечера в гостиницу в Киркмайкле вошел промокший, усталый, но абсолютно счастливый путешественник.

Таверна «Черный бык» в Киркмайкле – пожалуй, одна из немногих хороших гостиниц, оставшихся в мире. Место это, старинное и славящееся гостеприимством, прежде всего для рыболовов. Там всегда есть и яркий огонь в камине, и горячая вода, и старые мягкие кожаные кресла; там царит аромат хорошего табака и хорошей еды, а из стеклянных витрин на вас глядят гипсовые голавли и форели, по стенам развешены картинки, изображающие капитана Барк-лая из Ури, на спор идущего пешком в Лондон, и мистера Рамзи из Бартон, берущего приз на скачках, на книжной полке вы найдете трехтомное собрание сочинений Уэверли, в котором не хватает множества томов, да и вообще, там имеется все, чему положено иметься в доброй гостинице. Также в его подвалах можно найти – может быть, даже и сегодня – приличный выдержанный кларет. «Черный бык» рад своим гостям независимо от их внешнего вида, поэтому и промокшего насквозь Диксона радушный хозяин принял с распростертыми объятиями и, конечно, сразу же предложил новому постояльцу сухую одежду. Выяснилось, что рюкзак устоял перед стихией, запасная рубашка не промокла, а брюки и тапочки Диксону предоставило гостеприимное заведение. Выпив стакан пунша, Диксон погрузился в горячую ванну, и вода смыла с него всю усталость. В спальне уже горел огонь, и, сидя возле него, мистер Макканн сделал первые заметки в дневнике (который он поклялся вести в пути), лирически описав все прелести скверной погоды. В семь часов вечера, согревшийся и довольный, он спустился к ужину, облаченный в одежду, великоватую ему на пару размеров.

В обеденной комнате за длинным столом уже сидела сплоченная компания рыболовов. Они выглядели приятными парнями, и мистер Макканн с удовольствием присоединился бы к ним, но они обсуждали сегодняшнюю ловлю со стенки шлюза с таким количеством специальных словечек, что Диксон посчитал, что его восхищение Исааком Уолтоном еще не дает ему права вмешиваться в столь эрудированную дискуссию. Хозяин, похоже, полагал то же самое, потому что отодвинул для него стул в другом конце стола, напротив какого-то молодого человека, увлеченного чтением книги. Диксон пожелал ему доброго вечера и получил несколько неопределенный ответ. Похожий на студента юноша пил бульон из чашки и, насколько смог

разглядеть Диксон, читал что-то французское. Мистера Макканна никогда не интересовала французская литература. Язык он знал плохо и слегка стыдился этого.

Еще один постоялец вошел в столовую и устроился неподалеку от молодого человека. Этот новый обедающий тоже был молод – не старше тридцати трех – и обладал тем типом внешности, который Диксону всегда хотелось иметь. Он был высоким и худым, даже жилистым; лицо его было тонким, изящной лепки и настолько загорелым, что волосы над ним казались странно светлыми; руки тоже были загорелыми и красивой формы, но его предплечья, насколько позволяли разглядеть манжеты рубашки, были излишне мускулистыми, будто у кузнеца. Глаза его были светло-голубыми, словно они слишком часто смотрели на солнце, а маленькие усики – цвета соломы. Голос у незнакомца оказался тихий и приятный, а слова он выговаривал отчетливо, словно иностранец.

Он производил впечатление человека, расположенного к беседе, но, к разочарованию Диксона, диалог вышел односторонним – его участие в разговоре ограничивалось одними вопросами. Новоприбывший проявил недюжинное любопытство, он хотел узнать об округе буквально всё: кто и в каких домах живет, каково расстояние между деревнями, какие суда стоят в какой гавани и прочее в том же духе. Приятно улыбаясь, он забросал Диксона множеством вопросов, на которые тот не знал ответов. Подозвали хозяина гостиницы, тот оказался более информированным и ответил почти на все вопросы, кроме одного: когда его спросили, есть ли в округе дом под названием Даркуотер, хозяин огорченно покачал головой и ответил, что не знает такого. Спрашивающий был явно разочарован.

Литературный юноша участия в разговоре не принимал, а рассеянно ковырял вилкой в тарелке с форелью, не отрывая глаз от книги. Форель, как оказалось, выловили сегодня именно те рыболовы, что присутствовали в зале, и сейчас на другом конце стола они в красках расписывали процесс ее поимки. Юноша попросил у хозяина добавки и получил ее, но от последовавшей затем баранины отказался, удовольствовавшись сыром. Диксон же и его любопытствующий «собеседник» съели все, что было перед ними, и закончили ужин стаканом портвейна, повернувшим разговор на тему Испании и ее красот. Затем третий постоялец встал и откланялся, оставив Диксона, любившего после ужина задержаться за столом подольше, в обществе студента-ихтиофага.

– Интересная? – кивнул Диксон в сторону книги.

Молодой человек покачал головой и показал ему имя на обложке.

– Анатоль Франс. Раньше я был от него без ума, но теперь он, похоже, исписался. Австралиец, – без связи с предыдущим добавил юноша, кивнув на только что освободившееся за столом место.

– Почему вы так решили?

– Хорошо их знаю. На всем земном шаре не сыскать других таких худых красавцев. Я был по соседству с ними в сражении у деревни Позьер на Сомме и видел, как они дерутся. Мой бог! Отличные ребята! Конечно, время от времени и среди них попадаются уроды, но большинство из них похожи на Феба Аполлона.

Мистер Макканн по-новому и с уважением посмотрел на своего соседа, поскольку юноша вовсе не выглядел ветераном каких-либо сражений. Сам Диксон во время войны был горячим патриотом, хотя и не нюхал пороха лично, но многие из сыновей и племянников его знакомых прошли через армию и окопы, так что военная служба не казалась ему чем-то отвлеченным. Охоту на львов в Африке или на бандитов в Мексике он мог бы еще посчитать экзотикой, но танки и самолеты были теперь обыденностью во всем мире. Однако представить своего собеседника на поле хоть какого-нибудь сражения, даже самого небольшого, мистер Макканн определенно бы затруднился. Молодой человек, сидевший перед ним, был худым, высоким и немного сутулым; глаза у него были карие и, казалось, довольно близорукие, неопрятные волосы, как и почти сходящиеся над переносицей брови были черного цвета. На нем были бри-

джи из голубовато-серого твида, бледно-голубая рубашка с воротником и темно-синим галстуком – то есть, одежда в такой цветовой гамме, которая была слишком сложной, чтобы казаться естественной. Диксон посчитал бы его художником или корреспондентом какой-нибудь газеты, типажом для него знакомым и интересным. Но теперь получалось, что эту классификацию следовало пересмотреть.

– Значит, вы были на войне, – сочувственно сказал он.

– Четыре проклятых года, – с яростью в голосе ответил юноша. – Не желаю больше о ней слышать.

– Вы сказали, что этот молодой человек австралиец, – перевел тему Диксон. – Но мне всегда представлялось, что у австралийцев должен быть особый акцент, как у англичан.

– У них есть все виды акцентов, но вот голос их ни с чем не спутаешь. В их голосе есть солнце. У канадцев там холодный лед, а у вирджинцев масло. То же и у ирландцев. У британцев вообще нет голоса, словно с вами говорит телефон. Так что, если судить о людях только по акценту, то легко ошибиться. Вот вы, например, по-моему, шотландец, но с тем же успехом можете оказаться сенатором из Чикаго или бурским генералом.

– Я из Глазго. Меня зовут Диксон Макканн.

У него была слабая надежда, что это имя может сотворить с юношей такое же чудо, что и с тем торговцем в Килкристе.

– Боже, что за имя! – несколько грубовато воскликнул молодой человек.

– Это очень старое горское имя, – сказал Диксон с неудовольствием в голосе. – Оно означает «сын собаки».

– Что именно «сын собаки»: имя или фамилия? – Но тут молодой человек спохватился, что зашел уже слишком далеко, и приятно улыбнулся. – По сравнению с моим ваше имя очень красивое. Меня зовут вполне прозаично: Джон Херитидж.

– Это тоже красивое имя, – ответил Диксон более спокойно. – Оно походит на имя какого-нибудь поэта на обложке сборника стихов. С таким именем нужно и самому быть поэтом.

Молодой человек помрачнел.

– Оно даже слишком поэтичное. Это как Эдвин Арнольд, Альфред Остин или Данте Габриэль Россетти. У действительно великих поэтов имена односложные, как у Китса. Новый Шекспир, если он когда-нибудь появится, будет, вероятно, зваться Грабб или Джабб, если вообще не Джонс. Вот с таким именем, как у вас, у меня может быть шанс. Это вы должны быть поэтом.

– Я не поэт, я только люблю их читать, – скромно сказал Диксон.

Странная улыбка появилась на лице мистера Херитиджа.

– В курительной комнате есть замечательный камин, – сказал он, вставая. – Нам лучше занять кресла у огня, пока их не оккупировали рыболовы.

Диксон послушно последовал за ним. Это было то самое случайное знакомство, которого он искал весь день, и теперь он желал извлечь из него максимум удовольствия.

В маленькой курительной комнате, освещенной одной масляной лампой, было полутемно и приятно потрескивало пламя в камине. Мистер Херитидж упал в кресло, вытянул к огню длинные ноги и закурил трубку.

– Значит, вам нравится читать стихи? – спросил он. – И какого же сорта? Как вы вообще относитесь к поэзии?

– Хорошо отношусь, – ответил Диксон. – Когда-то я очень любил заучивать стихи наизусть и повторять их про себя, когда мне нечем было заняться. В церкви или, например, на вокзале, в ожидании поезда. Сначала это был Теннисон, но теперь все больше Браунинг. Я могу долго читать Браунинга наизусть.

Его собеседник скривился от отвращения.

– Я знаю его товар. «Дамасские щеки твои, росистые сестрины веки». Слишком много патетики: «О, Господь в Небесах, все божественно в мире!» Плохо, мистер Макканн, очень плохо. Второсортные вирши. Поэзия – это не изящные реверансы или громкие заклинания. Это сама жизнь с привкусом сырого мяса, а не салонное лакомство для женщин из среднего класса.

– Вы поэт, мистер Херитидж?

– Нет, мистер Канкан, я бумажник. Делаю бумагу.

Это было что-то новенькое для мистера Макканна.

– Я знавал одного изготовителя бумаги, – задумчиво заметил он. – Его звали Тош, и он был пьяницей.

– Что ж, я не пью, – был ему ответ. – Если я и делаю бумагу, то это только чтобы на хлеб с маслом заработать. Но когда-нибудь я брошу эту работу и стану поэтом.

– А вы уже что-нибудь опубликовали?

Явное восхищение, послышавшееся в голосе Диксона, бальзамом пролилось на душу мистера Херитиджа. Он вытащил из кармана тоненькую книжицу.

– Вот первая моя попытка, – с напускной небрежностью сказал он.

Диксон принял ее в руки с благоговением. Это была тетрадка с серой картонной обложкой и белой этикеткой, на которой стояло: «„Завитки“ – книга Джона Херитиджа». Диксон перелистал страницы и прочел пару строк.

– Хорошая книжка, – наконец заметил он.

– Боже правый! – услышал он раздраженный ответ. – Если это всего лишь «хорошо», то я, похоже, чертовски низко пал!

Диксон принялся читать внимательнее, и был немало озадачен. Понимать эти стихи оказалось труднее, чем самые сложные вещи Браунинга. Он нашел одно стихотворение о цветочном саде, называвшееся «Ревю». Оно начиналось строкой «Багровый, набатом звенящий рассвет», затем поэт описывал полдень: «Подсолнух, худой гренадер, взирай на балет красных роз в аромате амброзий, сокрытых в юбочках тугих лепестков, что сводят с ума, опьяняя, пчелу». Такой взгляд на садоводство показался мистеру Макканну странным; особенно удивила его «женоподобная лилия». Затем в стихотворении наступал вечер и, по мнению мистера Херитиджа, на «складках сумрачного крепя повисла звезд цветная кисея», а весь сад оказался «осыпан бледной перхотью Луны».

Диксон перевернул пару страниц и обратился к другим стихам, которые, по-видимому, были навеяны воспоминаниями о жизни в окопах. В основном они состояли из клятв и проклятий, порой ужасных, при этом поэт любовно задерживался на описании таких зрелищ и запахов, которые нормальный человек постарался бы как можно скорее забыть. Эти стихи Диксону не понравились. Наконец он прочитал стихотворение о девушке, превратившейся в птицу, причем этот процесс описывался с таким количеством интимных анатомических подробностей, которые способны были отпугнуть даже искушенного читателя.

Он смотрел на книгу и молчал, потому что не знал, что и сказать. Казалось, поэт ставил перед собой задачу описать природу, используя метафоры, заимствованные из номеров мюзикхоллов и реклам галантерейных магазинов, а когда у него это не получалось, то на помощь приходили проклятия. Откровенно говоря, Диксон находил эти стихи чрезвычайно плохими, и теперь старался отыскать такие слова, в которых сочетались бы и вежливость, и честность.

– Так что? – спросил его поэт.

– Здесь много хороших вещей, но... размер кое-где нарушен.

Мистер Херитидж желчно рассмеялся.

– Теперь я могу классифицировать вас точно. Вам нравятся прямая рифма и привычный эпитет. Ну нет! Мир вышел за рамки простого украшения! Вы хотите, чтобы луна описывалась как Диана-охотница, или серебряный диск, или цветок – а я говорю вам, что она

чаще всего похожа на донышко пивного бочонка или на головку сыра. Вам нужно множество возвышенных слов, а реальные, приземленные вещи вы считаете непригодными для поэзии. Я же говорю, что для поэзии ничего непригодного нет! Нету, мистер Канкан! Поэзия жизни – она повсюду, в любом мусоре, а настоящие вещи чаще встречаются среди унылых трущоб, горшков и помоек, чем в этих ваших воскресных салонах. Задача поэта в том, чтобы очистить мир от гнили и показать, что всё вокруг – это тот самый дух, что удерживает на своих местах сами звезды! Я хотел назвать свою первую книгу «Стоки», ибо канализационные стоки, поток дерьма – это самая настоящая поэзия, уносящая отходы человеческой жизнедеятельности на поля, чтобы они зеленели, и там росла кукуруза. Но издатели воспротивились. Тогда я назвал книгу «Завитки», чтобы выразить свое отношение к изысканной энволюции всех вещей. Поэзия – это четвертое измерение души. Что ж, мистер Канкан, хватит о стихах, теперь давайте послушаем, что вы думаете о прозе.

Мистер Макканн был сильно сбит с толку этой тирадой и даже немного рассердился. Ему не нравилось, что собеседник называл его Канканом – это казалось ему злоупотреблением дружеским доверием. Но привычка к вежливости победила, и Диксон довольно неуверенно озвучил свои предпочтения в прозе. Мистер Херитидж слушал его, сдвинув брови.

– Вы погрязли в дерьме даже еще больше, чем я ожидал, – заметил он, когда Диксон закончил. – Вы живете в мире раскрашенного картона и теней. Вся эта страсть к живописному! Она такой же мусор, мой дорогой, как и герои рассказов, которые пишут школьники. Вы сочиняете романтические повести о цыганах, матросах или о тех мерзавцах, которых вы называете первопроходцами, но вы ничего о них не знаете. Если бы вы посмотрели внимательно, вы бы обнаружили, что в них и на мизинец нет той позолоты и блеска, которые вы себе насочиняли. Но мало того, вы еще и игнорируете то великое, что роднит их со всем человечеством. Это как воспевать ячменную лепешку за то, что она похожа на Луну, не понимая, что она вкусная и ее можно просто съесть.

В этот момент в курительную комнату вошел австралиец, чтобы разжечь свою трубку. Он был одет в мотоциклетную куртку и, по-видимому, собирался куда-то отправиться на ночь глядя. Он пожелал джентльменам доброй ночи, и Диксону показалось, что лицо его в отблеске огня было напряженным и тревожным – совсем не похожим на лицо приятного собеседника за ужином.

– Вот, возьмите хоть его для примера, – сказал мистер Херитидж, кивнув вослед уходящей фигуре. – Уверен, вы уже сочинили для себя целую историю про этого парня: о его жизни в буше, занятии скотоводством и всем таком прочем. Но он вполне может оказаться кассиром в банке Мельбурна. Ваш романтизм – это сплошной самообман, и он не позволяет вам разглядеть правду жизни. С ним надо разобраться раз и навсегда, покончить с этим проклятием, которое литература унаследовала от лживых кельтов.

Мистер Макканн, который всегда считал, что романтизм изобрели французы, был несколько озадачен.

– Вы хотите сказать, от галлов?

Но его собеседник, увлеченный потоком собственного красноречия, проигнорировал это замечание.

– Вот в чем ценность войны, – продолжал он. – Она разрушила все отжившие условности, и на освободившемся месте теперь мы сможем построить что-нибудь новое. То же самое и с литературой, религией, обществом и политикой. «С топором на них!» – говорю я. В новом мире попы и педанты нам не нужны, как не нужны и все эти аристократы и средний класс. Есть только один класс, который имеет значение: это простые люди, рабочие, которые живут простой, настоящей жизнью.

– С такими взглядами вам самое место в России, среди большевиков, – сухо заметил Диксон.

– Они неплохие ребята, – одобрил его предложение мистер Херитидж. – По-своему, они делают большую и нужную работу. Конечно, нам не следует подражать их методам – они несколько грубоваты, да и евреев среди большевиков чересчур уж много, – но они ухватились за правильный конец палки. Они ищут истину и реальность.

Мистер Макканн медленно закипал.

– Что привело вас в наши края? – отрывисто спросил он.

– Туризм, – было ему ответом. – Всю зиму я слишком напряженно трудился, и теперь мне требуются тишина и покой, чтобы привести мысли в порядок.

– Что ж, привести мысли в порядок вам определенно требуется. Вы вообще как, образованный человек, джентльмен?

– Девять потраченных впустую лет – пять в Харроу и четыре в Кембридже.

– Тогда послушайте меня. Вы верите в рабочий класс и знать не желаете никакого другого. Но что, черт возьми, вы знаете о рабочих? Я сам происхожу из них и всю жизнь живу рядом с ними. Так или иначе, среди них есть люди разного сорта: и хорошие, и плохие, как и все мы. Но существуют глупцы, готовые возводить всех их без разбора на пьедестал – и только потому, что они якобы «близки к истине и реальности», как выразились вы. Это происходит исключительно из-за невежества, поскольку вы знакомы с настоящими рабочими примерно так же, как и с царем Соломоном. Вы стыдите меня, что я сочиняю романтические истории о морях и цыганах, о которых ничего не знаю. Возможно, это правда. Но вы сами занимаетесь точно тем же. Вы идеализируете рабочего человека, вы и подобные вам, но это только потому, что вы невежественны. Вы утверждаете, что он ищет истины, тогда как он ищет только выпивки и повышения заработной платы. Вы говорите, что он близок к реальности, но я могу вас уверить, что его представление о реальности сводится к короткому рабочему дню и походу на футбольный матч по субботам. И когда вы желаете избавиться от среднего класса, который выполняет три четверти созидательного труда в мире, заставляет машины крутиться и платит рабочим, вы хотите избавиться от тех, на ком держится экономика. Экономика!

И мистер Макканн, защитив таким образом класс буржуазии, резко поднялся и отправился в свою комнату. Он чувствовал себя раздраженным и даже потрясенным. Можно сказать, его палисадник с цветами был безжалостно растоптан случайно забредшим на него быком-поэтом. Но уже лежа в постели, он решил, перед тем как задуть свечу, отвлечь мысли Уолтоном и нашел в книге абзац, на котором, словно на мягкой подушке, смог задремать:

«Когда я покинул это место и перешел на следующее поле, я увидел прелестную картину, доставившую мне немалое удовольствие: это была симпатичная молодая доярка, которая еще не достигла того возраста мудрости, когда разум сгибается под тяжестью страхов, которые, возможно, вовсе и не осуществляются. Многие из мужчин часто грешат этим, но эта дочь отбросила все заботы и пела, словно соловей; голос ее был хорош, да и песенка была ему под стать – это была беззаботная песня, которую написал Кит Марлоу, кажется, уже с полвека тому назад. И мать юной доярки пропела ей в ответ несколько строф, сложенных сэром Уолтером Рэли в годы ее юности; это были пусть и старомодные стихи, но чудо какие хорошие – думаю, намного лучше тех рубленых топором строк, которые в моде в наши беспокойные дни».

КАК ЧАЙЛД РОЛАНД (И С НИМ ЕЩЕ ОДИН ДЖЕНТЛЬМЕН) К ТЕМНОЙ БАШНЕ ПРИШЕЛ

Диксон проснулся в таком же раздражении, с каким он прошлым вечером отправился в постель. По мере того как в голове всплывали воспоминания о вчерашнем разговоре, перед его мысленным взором возникал весьма неприятный образ мистера Херитиджа. Поэт, можно сказать, сбросил с пьедестала всех его кумиров, и теперь они, поверженные, лежали у ног толпы. По природе своей мистер Макканн был человеком беспристрастным и при необходимости был готов пересмотреть свои взгляды, но этот бунтарь нисколько не убедил его, а лишь привел в раздражение. «И это он называет поэзией!» – пробормотал он себе под нос, содрогнувшись от холодной воды, которой умывался (не потому, что в гостинице не было горячей, а чтобы дополнительно закалить свое здоровье во время отпуска). «Да что ты знаешь о рабочих?!» – добавил он, намыливая щеки перед бритьем. Побрившись, он быстро позавтракал в одиночестве, управившись еще даже ранее рыбаков.

После завтрака мысли его пришли в больший порядок. Диксон уважал молодость, но считал, что вседозволенность только вредит молодежи. «Этот юноша – еще сущий ребенок, не желающий взрослеть, – подумал он. – Ребенок, лишь подражающий в разговоре взрослым. И к тому же не чувствующий, что переходит черту», – заключил он, вспомнив, как Херитидж называл его Канканом. Одно Диксон со всей отчетливостью понимал: никогда больше он не желает видеть мистера Херитиджа и разговаривать с ним. Собственно, именно это соображение и явилось причиной его столь раннего и поспешного завтрака. Отдав себе в этом отчет, он почувствовал себя лучше. Диксон оплатил счет, дружески попрощался с хозяином гостиницы и ровно в семь тридцать вышел в сияющее утро.

Только в Шотландии и только в апреле бывают такие дни: мощные улочки Киркмайкла еще блестели после ночного дождя, но грозовые тучи уже унесло легким южным ветерком, и небосвод был нежно-голубым, а воздух прозрачным. От пекарни тянуло восхитительным запахом свежего хлеба; вопли младенца из окна звучали свидетельством пробуждения природы, этакой городской версией пения птиц; и даже санитарный фургон у здания больницы выглядел живописно и жизнеутверждающе. Мистер Макканн купил свою ежедневную порцию булочек и имбирного печенья в пекарне (возле которой околачивалась банда мальчишек-посыльных, готовых доставить выпечку в дома состоятельных горожан) и, почти с сожалением оставив за спиной столь приятный городок, направился вверх по склону холма Гэллоу-хилл в направлении равнины Бург-Мьюир.

Как учит пословица, когда пьешь выдержанное вино, не стоит разбавлять его слабым пивом. Поэтому я не буду останавливаться на описании неторопливой прогулки Диксона по зеленым лугам, на его обеде под сенью молодых елей или на его мыслях, которые вскоре снова стали вполне идиллическими. В своем повествовании я хочу перепрыгнуть сразу к трем часам дня и показать вам мистера Макканна, когда он сидит на придорожном камне и внимательно изучает карту. Потому что именно в этот момент его стопы – и наша история – свернули на совершенно другую, неожиданную дорогу.

Место, где он сейчас находился, являлось возвышенностью среди протяженных болот: далеко справа среди сосен была видна белая стена какого-то жилья, а чуть в стороне, за зелеными кустами у подножия склона, еще что-то, похожее на сарай – и больше никаких следов присутствия человека не наблюдалось. Слева от него, на востоке, за поросшим вереском невысоким гребнем холма, испачканного кляксами болотистых участков, возвышалась голубоватая стена большой горы. Дорога впереди Диксона скоро скрывалась в лесочке, но потом, на значительном расстоянии, появлялась и была видна снова; дальше, почти у горизонта, она взбегала на холмистую возвышенность, казавшуюся отсюда непреодолимым нагромождением холодных

скал. Судя по карте, именно там был проход на Галлоуэй, которым Диксон и собирался воспользоваться. Но теперь, когда он увидел дорогу собственными глазами, его вдруг охватили сомнения: он подумал, что к западу от себя он найдет больше красот и достопримечательностей. Вспомним при этом, что мистер Макканн жаждал встречи не с торфяными болотами и замшелыми пнями, а с зеленью и весной.

На запад от него далеко в море выдавался большой полуостров в форме равнобедренного треугольника, а дорога, на которой стоял Диксон, была чем-то вроде его основания. На расстоянии мили или около того параллельно ей шла железная дорога, и возле маленькой станции, затерявшейся среди болот, стоял и дымил паровозик. Далее болото сменялось лугом и рощицей, над которой висела легкая копоть от каминных труб невидимой отсюда деревушки. Еще ближе к горизонту зеленел лес, но не еловый, а из старых лиственных деревьев, а рядом поблескивали на солнце устья двух речушек. Самую дальнюю точку мыса с того места, где он стоял, Диксон различить не мог, но видел сверкающее в лучах заходящего солнца море за ним и совсем уже на пределе видимости – рыбачий баркас с обвисшими без ветра парусами.

Разглядывая этот идиллический пейзаж, он вспомнил что-то полузабытое, снова развернул карту и отыскал на ней названия. Сам полуостров назывался Крув, и мистер Макканн подумал, что это слово имеет какое-то отношение к рыбной ловле – несомненно, в одной из замеченных им речушек. Первую из них, судя по карте, он пересек совсем недавно: Лэйвер – с чистой водой, текущей с зеленых холмов. Вторая, под названием Гарпл, спускалась с более суровых гор к югу. Деревня за рощей носила название Далкхартер, и звуки этого слова снова что-то напомнили Диксону. Карта показывала еще большое поместье среди лиственного леса: Хантингтауэр, Охотничья башня.

Это название настолько очаровало Диксона, что он отбросил всякие сомнения насчет дальнейшего пути. Он представил себе древнюю крепость на берегу моря, защищенную сходящимися речными руслами, которую старый лорд Джон Комин Галлоуэйский построил, чтобы контролировать дорогу и побережье, и откуда он отправлялся охотиться на склонах диких холмов, где вереск спускается к зеленым лугам и таинственным темным лесам за ними. Диксону захотелось пройти по берегам Гарпла и Лэйвера до их устьев и посмотреть, как они вливаются в это странное мерцающее море и исчезают в нем. Необычные имена речушек, деревни и поместья звучали для него музыкой. Почему бы ему не переночевать в Далкхартере, если уж карта определенно показывала, что в деревушке есть гостиница? Но решение Диксону требовалось принять незамедлительно, ведь поворот дороги с указателем «Далкхартер и Хантингтауэр» был уже прямо перед ним.

Будучи человеком осторожным и набожным, мистер Макканн сначала испросил благословения Небес, для чего подбросил монету: если она упадет решкой вверх, то он свернет к западу. Выпала решка.

Только Диксон ступил на новый свой путь, как сердце его преисполнилось радости – ему вдруг показалось, что он только что принял одно из важнейших решений в своей жизни. Пейзаж впереди был точно таким, который он рисовал себе в мечтах: покрытый лесом мыс между ручьями, луга и вереск и длинный спуск к далекому морю. Диксон вспомнил себя ребенком, как он сидел в зале кукольного театра и с нетерпением ждал, когда же поднимется занавес и начнется пьеса – то же чувство сладостного предвкушения переполняло его и в этот момент. Настроение его жаворонком взлетело к небесам, и Диксон принялся весело насвистывать. Он подумал, что если еще и гостиница в Далкхартере окажется уютной и пустой, то это будет самый удачный его день в году. Диксон бодро шагал по неровной, заросшей травой дороге; скоро он пересек железнодорожную колею и добрался до того участка пути, где вереск начинал переходить в огороженные невысокими каменными стенами пастбища, и тут темп его шагов замедлился и мелодия замерла на устах: в ста ярдах слева от него по тропинке шел Поэт.

Херитидж тоже заметил его и приветливо взмахнул рукой. Несмотря на охватившую Диксона досаду, он не смог не признать, что накануне вечером неверно оценил физическую подготовку своего критика. Сейчас Херитидж со здоровым румянцем на щеках широко и энергично шагал по тропе, его расстегнутую куртку и спутанную шевелюру трепал ветер, и вообще, он казался куда более спортивным и сильным, чем в курительной комнате гостиницы. Похоже, и настроение его тоже изменилось с желчного на дружелюбное, поскольку он был явно рад снова увидеть Диксона.

– Добрый день! – воскликнул он, подходя ближе. – Как хорошо, что я снова повстречал вас! Вчера вечером вы, должно быть, подумали, что я довольно наглый щенок, не так ли?

– Было такое, – сухо ответил Диксон.

– Что ж, тогда я хочу перед вами извиниться. Бог знает, чего это мне взбрело в голову прочитать вам курс лекций по повышению читательской квалификации. Возможно, я и не согласен с вами, но каждый человек имеет право на собственные взгляды, и с моей стороны было ужасно невежливо читать вам нравоучения.

Будучи по природе человеком отходчивым, мистер Макканн был рад принять эти извинения.

– Все в порядке, забудем это, – сказал он. – Но мне хотелось бы узнать, как вы оказались здесь, вдалеке от дороги?

– Каприз, чистый каприз путешественника, – было ему ответом. – Мне понравился вид этого скального выступа в никуда.

– И мне тоже. Я даже подумал, что есть что-то восхитительно красивое в этом треугольном полуострове позади двух округлых холмов и с деревней в низине.

– Хм, вы открываетесь для меня с новой стороны, – усмехнулся Херитидж. – Похоже, вы одержимы ландшафтами определенной формы. Вы знакомы с работами Зигмунда Фрейда?

Диксон покачал головой.

– Ну, какой-то странный комплекс у вас все-таки есть. Интересно только, как его истолковать. Мыс, лес, две реки, между ними влажная низина... Вы были когда-нибудь влюблены, мистер Канкан?

Мистер Макканн был шокирован. Слово «любовь» в его кругах можно было услышать только из уст священника у одра умирающего больного: что-нибудь вроде «возлюбленное чадо мое, упокойся с миром».

– Я женат уже тридцать лет, – поспешил сказать он.

– Это тут ни при чем, – отмахнулся Херитидж. – Возможно, этот ландшафт пробуждает в вас воспоминания о безответной любви: последний взгляд на отказавшую вам леди – на речном берегу, с водой с трех сторон... Или что-то подобное могло случиться с вашим предком, хотя вы и не похожи на плод отвергнутой любви. Скорее всего, когда-то давным-давно какой-то мерзкий старый Канкан нашел себе прибежище в таком вот месте. Оно снится вам по ночам?

– Не сказал бы.

– А вот мне снится. Странно, что у меня такой же комплекс, как и у вас. Как только сегодня утром я заметил на карте этот мыс Крув, я подумал: это именно то, что я так долго искал! А когда увидел его воочию, то чуть не закричал. Я редко вижу сны, но уж когда вижу – то почти всегда это место. Странно, не правда ли?

Мистер Макканн был тронут его доверительным тоном и этим внезапным проявлением романтизма.

– Может быть, это вы влюблены, – смело заметил он.

– Я не подвержен обычным сантиментам, – возразил поэт. – Такое объяснение подходит вашему случаю, а не моему. В глубине же моего личного комплекса наверняка скрыто что-то ужасное – какое-то мрачное старинное преступление, вопиющее к нам из глубины веков. Видите ли, это место вызывает у меня не восторг, а страх!

По мнению Диксона, в постепенно открывающемся перед ними ландшафте не было ровно ничего страшного. Впереди, между березок и кустов рябины уже была видна деревенская околица. Дорога перед ними перешла в зеленеющий общинный луг, на котором паслись коровы и овцы. Вересковые кусты почти исчезли, а вдалеке, где в низине текла речушка, был виден костер и какие-то силуэты рядом с ним. Мистеру Херитиджу они не понравились.

– Они что, сбежали из ада, или это бойскауты? – пробормотал он. – Терпеть их не могу! Они только оскверняют собой природу. И почему только «публикус вульгарис» не в состоянии держаться подальше от подобного райского местечка?

Диксон, более демократичный и не находивший ничего неприемлемого в обществе других отдыхающих, уже обдумывал, как бы дать Херитиджу суровую отповедь, как тон мистера Поэта вдруг изменился:

– О боги, что за милейшая деревня! – воскликнул тот, устремляясь вперед.

Действительно, деревенька была очень живописной: в ней насчитывалось не более дюжины побеленных домиков, прятавшихся в маленьких садах, усыпанных желтофиолью, нарциссами и прочими ранними цветами. Дома группировались вокруг треугольной площади, где среди зеленой травы был виден старинный водяной насос. Не имелось ни здания школы, ни колокольни церкви, отсутствовала даже почта – ее заменял красный почтовый ящик на одном из коттеджей. За деревней начинался огороженный высокой стеной парк – там была уже территория поместья; а справа от нее, чуть дальше по дороге стояло двухэтажное здание с надписью «Таверна Крув».

– Наконец-то я нашел деревеньку моей мечты! – сообщил Диксону поэт, сделавшись вдруг донельзя лиричным. – Никаких тебе признаков капитализма или опиума для народа! Ни магазина, ни церкви, ни школы, ни какого-нибудь вам чертова променада с купальней для шикарной публики! Ничего, кроме этих божественных домиков да старого трактира! Канкан, я вас предупреждаю: я собираюсь немедленно отправиться туда и выпить целый чертов чайник их чая.

И он провозгласил нараспев:

*«Услышишь песню ты, которой боги
Не слышали, но дай певцу бокал и подожди,
Пока не утолит он жажду. Ведь поэты,
Кузнечики и соловьи тогда поют,
Когда их горло влажно!»*

Диксону тоже очень хотелось чаю. Но по мере их приближения к трактиру тот постепенно утрачивал свою привлекательность: вблизи стало заметно, что мощеный двор зарос сорняками, стекло в одном окне было разбито, а многие ставни висели криво. Сад представлял собой засохшую пустыню, а крыльцо явно уже много недель не мыли. Но у этой гостиницы имелся хозяин – он издали заметил новых гостей и сейчас ожидал их у порога, чтобы поприветствовать.

Это был рослый здоровяк в рубашке с закатанными рукавами, бриджах до колен и в тяжелых сапогах пахаря; толстые икры его были частично прикрыты вязаными носками. Лицо трактирщика было широким и грубым, шея толстой, а подбородок давно требовал бритвы. Это был типаж, хорошо известный людям со знанием света: не книжный трактирщик, воспитанный и утонченный, а такой персонаж, которого с недавних пор можно отыскать не только в лондонском Сити и Палате общин, но даже и в Палате лордов. Среди руководства Лейбористской партии он тоже не редок; словом, его можно охарактеризовать как Лицензированного Поставщика Выпивки.

Сморщив лицо в гримасе, должной означать приветливую улыбку, он пожелал нашим путешественникам доброго утра.

– Мы хотели бы остановиться у вас на ночь. Это возможно? – спросил Диксон.

Трактирщик пристально посмотрел на него, и маска фальшивого радушия сменилась на его лице выражением такого же неискреннего сожаления.

– Невозможно, джентльмены, абсолютно невозможно! – проговорил он, обращаясь почему-то не к спрашивающему, а к его спутнику. – Вы не могли явиться в худшее время. Я и сам-то всего две недели здесь хозяйничаю и даже еще не распаковался. Ладно бы это, но у нас в доме болезнь, говорю вам совершенно открыто! У меня просто сердце кровью обливается, когда мне приходится отказывать гостям, но что поделать! – и он энергично сплюнул на пол, словно желая подчеркнуть этим всю безвыходность своего положения.

В его речи ощущалось что-то чуждое и привнесенное; по выговору он явно был шотландцем, но таким, который много лет провел в Америке или плавая на корабле. Он и штаны-то подтянул жестом моряка.

– А где еще можно переночевать в вашей деревне? – спросил Диксон.

– Ни одного стойла не найдете, джентльмены, ни даже сеновала. В таком забитом старыми клушами курятнике, как наш, не отыщется местечка даже для цыпленка, не то что для двух петухов вроде вас. Но нынче отличная погода, джентльмены, а до Ошенлохана не более семи миль по хорошей дороге. Скажите только слово, и я запрягу лошадь и доставлю вас туда, не пройдет и получаса.

– Спасибо, но мы предпочитаем прогуляться, – сказал мистер Херитидж и повернулся, чтобы уйти. Диксону хотелось расспросить хозяина, какой именно болезнью страдают в доме, но теперь и он был вынужден последовать за своим спутником. Оглянувшись от калитки, мистер Макканн увидел, что хозяин все еще стоит на крыльце и не спускает с них глаз.

– Этот парень – лживая свинья, – подытожил мистер Херитидж, когда они отошли подальше. – Было бы безумием остаться на ночь в его конуре. Но пусть меня повесят, Канкан, если я теперь уйду отсюда. Мы из принципа отыщем себе уголок в этой деревне. Кроме того, я все еще намерен выпить чаю.

Деревенская улочка, казалось, дремала в ясном чистом свете апрельского дня. На выбеленной солнцем дороге лежали голубые тени, и тонкий аромат готовящихся кушаний, плывущий из приоткрытых окон, дразнил обоняние наших путешественников. Ближайшие луга светились золотом на темном фоне вересковых холмов за ними. Деревня действительно была райским местечком, и Диксон мысленно согласился с мистером Поэтом: они должны переночевать здесь любой ценой.

Они выбрали коттедж белее и аккуратнее других: он стоял на углу, там, где узкая улочка поворачивала к югу. Соломенная крыша домика была недавно отремонтирована, небольшие окна его были украшены ослепительной белизны накрахмаленными занавесками, а на крашеной зеленым двери призывно поблескивал дверной молоток из полированной латуни.

По взаимному молчаливому согласию к двери был откомандирован мистер Макканн. Оставив Поэта у калитки, он прошел по выложенной камешками кварцита дорожке и вежливо, но твердо постучал в дверь молоточком. Должно быть, его уже раньше заметили из окна, поскольку не успел еще утихнуть звон латуни, как дверь отворилась, и на пороге появилась пожилая женщина. У нее были резкие черты лица, пара черных волосинок на подбородке, большие роговые очки на носу римской формы и старинная кружевная шапочка на гладких седых волосах. На первый взгляд она выглядела немного мрачноватой из-за тонких поджатых губ, но это впечатление тут же сгладили ее кроткие, светящиеся любопытством глаза. Вид этих глаз вселил в мистера Макканна уверенность, что здесь им не откажут.

– Доброго дня, хозяйюшка, – сказал он, стараясь выговаривать слова возможно более простовато, а не так, как выражаются в Глазго. – Мы с приятелем впервые в ваших краях, и нам здесь все ужасно нравится. Мы ищем, где бы переночевать. Уже спросили на вашем постоялом дворе, но там мест нет. Может быть, у вас найдется по кровати на одну ночь?

– Врать не буду, две койки наверху сыщутся, – ответила женщина. – Но я жильцов не привечаю, мне беспокойства не надобно. Я уже старая, ворчливая, да и не такая прыткая, как раньше-то. Ты лучше спроси вниз по переулку. Эппи Хоум тебя, небось, пустит.

– Но у этой Эппи Хоум уж точно не такой красивый домик, как твой, хозяйюшка. Очень уж он нам приглянулся. Неужели ты не можешь пустить нас всего на одну ночку? Мы народ тихий, старомодный и зря беспокоить тебя не станем. Нам бы только кружку чаю да, может, по вареному яйцу, а утром мы будем рады и миске каши.

Женщина, похоже, смягчилась.

– А это, значит, твой приятель? – спросила она, посмотрев поверх очков в сторону садовой калитки.

Мистер Херитидж, ожидавший результата переговоров, заметив ее взгляд, смелым жестом сдернул с головы фуражку и сделал шаг вперед.

– Прекрасная погода, сударыня, – заявил он.

– Англичанин, – прошептал женщине Диксон, как будто это все объясняло.

Хозяйка испытующе оглядела опрятный костюм мистера Поэта и местного характера одежду Диксона и, очевидно, нашла их обнадеживающими.

– Ну, входите тогда, – коротко сказала она. – Я вижу, вы ребята настырные. Уж сделаю для вас, что смогу.

Через четверть часа наши путешественники, близко познакомившись с двумя безупречно чистыми кроватями на чердаке и отменно умывшись у насоса на заднем дворе, сидели на кухне миссис Морран перед тарелками, еда на которых превосходила их самые смелые ожидания. В то утро хозяйка пекла, поэтому могла предложить им лепешки ячменные, овсяные и из белой муки, а также красновато-коричневые блинчики. Каждому досталось по три вареных яйца, по огромному куску пирога со смородиной – как сказала хозяйка, это был «привет от моего доброго братца Хогманая», и по ломтику пресного молочного сыра. Миссис Морран выставила на стол несколько сортов варенья, также еще имелся темно-золотистого цвета вересковый мед в глиняном горшочке. «Мой муженек говаривал, что не едал вкуснее этого вот меду за всю его жисть», – доверительно сообщила хозяйка.

Тут же они услышали и историю «жисти» самой миссис Морран. Вдовела она уже лет десять. Старший ее сын жил в Южной Африке, одна из дочерей работала горничной в Лондоне, а другая была замужем за школьным учителем из Кайла. Сын миссис Морран когда-то воевал во Франции, и ему «свезло», он не был убит. После возвращения из армии он прожил с матерью месяц или два, но, как она посчитала, нашел деревенскую жизнь слишком скучной. «Здесь ни одного мужика не сыскать, одни старые клуши», – пояснила она.

То же самое говорил им и трактирщик. Мистер Макканн осведомился о состоянии дел в гостинице.

– Там с недавней поры новый хозяин, – ответила хозяйка. – Как он себя прозывает? Робсон... или Добсон... точно, Добсон. Неужто он тебя дальше порога не пустил? Хорош трактирщик! Себя-то, небось, считает лэрдом, а гостям в приюте отказывает!

– Он сказал, что в доме болеют.

– Да кому ж там болеть?! Он тебе соврал. Он нанял поварихой какую-то фра из Ошенлохана, но она вчерась уехала назад почтовой каретой и даже ящик с вилками с собой прихватила. Он тебе уж наверняка соврал, но не мне его судить. Я никогда и словом не перемолвилась со здешним новым народом.

Диксон поинтересовался, что она имеет в виду, когда говорит о «новом народе».

– Они тут не дольше трех недель, как поселились. А из старых жильцов никого не осталось. Джон Блэксток помер от легочной болезни о прошлом месяце, а старый Саймон Таппи из Гэйрденса перебрался в Мэйбоул год назад на день святого Мартина. В Гэйрденсе давно никого нет, но в Вест-лодж пришел этот смуглявый парень с лицом, точно мятая кожа. Тэм

Робинсон когда-то жил в Соут-лодже, но Тэма убили в Месопотаме, и вдова отвезла детей к родне в Гарплхейд. Намедни, когда я с утра перекусывала, я видела, как новый парень из Соут-лodge шел по улице – худой и хромый, но ходит так споро, как иные бегают. Я прямо понять не могу, откуда они все повылазили, и чего к нам пожаловали...

Уважение к хозяйкеросло у Диксона с каждой минутой. Она сидела на своем стуле очень прямо, ела с осторожной аристократичностью, словно птичка, и после каждого глотка чая вытирала свои тонкие губы салфеткой.

– А в большом доме кто живет? – спросил он. – Его название, кажется, Хантингтауэр?

– Когда я была девицей, его прозывали Далкхартер-хаус, а Хантингтауэр – это было прозвание для старых каменных развалин совсем уже на мысу. Отец последнего лэрда хотел сменить это прозвание, потому что оно напоминало ему о каких-то старых «шалостях», да ему не свезло. Спрашиваешь, кто там проживает? С той поры, как старый лэрд помер, так никто. Дом стоит нетопленный, пыльный и заколоченный, и это на самом веселом местечке во всем Кэррике!

Тон миссис Морран стал трагичным.

– Без старого дворянства наше графство уже не то, что было раньше. Мой отец, дед, и его отец – все они служили семье Кеннеди, а мой муженек, Дэвит Морран, был у них дворецким, да и я, до того как стать горничной, прислуживала у стола. Они были добрыми господами, эти Кеннеди, и не задирали нос перед теми, кто им служил. Нигде не веселились так, как в старом Далкхартер-хаусе – на Хеллоуин и Новомодье, на балах да на свадьбах молоденьких барышень. Но лэрд растратил свои денежки на камень да известь для него, и ничего не смог оставить наследникам. А теперь все они рассеяны по свету или померли...

По ее лицу скользнула улыбка, вызванная воспоминаниями.

– Свет еще не видывал такого милого барчука, как молодой мастер Квентин! Не было и недели, чтобы он не заявлялся ко мне со словами: «Феми Морран, я пришел до вашего чаю!» А уж как он любил мои лепешки с патокой! Не было в округе наездника лучше него, а уж как он был хорош на рыбалке! Но и по книжкам он тоже был умница, а еще про него говорили, что он славно поспевает в учебе и в том, что они прозывали «дипп-о-матией». Но это уж не мне судить.

– Квентин Кеннеди, парень в очках-«консервах»? – переспросил Херитидж. – Я встречал его в Риме, он работал в посольстве.

– Я не знаю, его ли ты встречал, – ответила хозяйка. – Он был храбрым солдатом на войне, хотя и недолго – получил во Франции пулю в грудь. Опосля мы слышали, что он далеко, где-то в России. После войны мы ждали его назад, чтобы снова увидеть, как он ловит рыбу или лихо скачет на лошади, словно Иисус в старые времена. Но что говорить! Этого не случилось. Следующая весточка о нем, что мы получили, была, что он помер и похоронен где-то во Франции. Пуля ослабила ему грудь, и он скончался. А с ним кончился и род Кеннеди из Хантингтауэра, который был знатным еще со времен Роберта Брюса. И теперь поместье взаперти, пока стряпчие не найдут кого-нибудь, кто захочет взять его в аренду – а кому в наши безденежные годы нужен старый ветхий замок?

– А что за стряпчие? – спросил Диксон.

– Господа Глендонан и Спейс из Эмбро. Но они никогда к нам не заглядывали, и за них всю работу делает мастер Лоудон из Ошенлохана. Он сыскал арендаторов на две лоджи, и думает, небось, что уже довольно потрудился.

Миссис Морран налила немного горячей воды в большую миску и начала операцию, известную как «окувание» чашек. Это был намек на то, что трапеза окончена, и Диксон с Херитиджем поднялись из-за стола. Выслушав наказ вернуться к ужину не позднее «четвертушки десятого», они вышли на вечернюю прогулку; им оставалось еще пара часов более или менее дневного света, и нашими путешественниками овладел тот импульс активности, который при-

ходит ко всем мужчинам после целого дня физических упражнений, после того как их усталость залита отличным чаем.

– Должно быть, Канкан, ты здесь счастлив, – сказал Поэт. – Здесь собрались все составляющие для твоего любимого романа: имеется старый особняк, есть пришедший в упадок дворянский род, и к нему опустевшая деревня и трактирщик-злодей. Я уже и сам чувствую себя почти обращенным в твою веру. Пойдем, посмотрим на замок.

Они свернули на дорогу, шедшую вдоль северной стены парка, миновали гостиницу, выглядевшую еще более заброшенной, чем ранее, и через какое-то время подошли к тому коттеджу, который миссис Морран «прозывала» Вест-лодж – то есть Западной сторожкой. Когда-то, думается, это был очень симпатичный домик с соломенной крышей и слуховыми окнами на чердаке, но теперь он сильно нуждался в ремонте: стекло в окне было разбито и заменено мешковиной, столбики крыльца покосились, а солома крыши сильно поредела – не без помощи стаи скворцов, устроивших себе на чердаке гнезда. Большие ворота из кованого железа заржавели, а позолота на гербе над ними покрылась пятнами и потускнела. Ворота с очевидностью были заперты, и сколько Херитидж ни тряс боковую калитку, не отворилась и она. Внутри двора заросшая травой дорожка почти исчезала среди буйно разросшихся рододендронов.

На шум из дверей коттеджа вышел хозяин – крепкий парень в одежде из черного сукна, явно с чужого плеча. Его можно было принять за дворецкого «в дезабилье», если б он не заправил края брючин в сапоги, словно для работы в поле. Очень странным выглядело его лицо: черты его были настолько крохотными, что казалось, будто оно принадлежит ребенку. Все было на месте и даже вполне приятной формы – глаза, нос и рот, но удивительно несоразмерным по масштабу с его головой и туловищем. Подобную аномалию можно было бы исправить, скажем, добродушным выражением лица, но на физиономии парня не было видно и тени добродушия; напротив, он уставился на непрошенных гостей с видом судьи, готовящегося зачитать преступникам приговор.

– Можно ли пройти к господскому дому? – спросил его мистер Херитидж. – Мы здесь проездом, всего на одну ночь, и хотели бы осмотреть его.

«Дворецкий» сделал шаг вперед, словно бы заступая дорогу. Он был либо сильно простужен, либо имел голос под стать чертам его лица.

– Здесь нету входа, – хрипло проговорил он. – У меня строгий приказ.

– Ой, да ладно вам, – сказал Херитидж. – Никому не будет вреда, если вы впустите нас на полчаса.

Сторож сделал еще шаг вперед, теперь уже со вполне угрожающим видом.

– Вы не войдете. Убирайтесь! Уходите прочь, говорю вам! Это частная собственность!

В словах, произнесенных маленьким ртом и тонким голосом, ощущалась свирепость рассерженного ребенка. Путешественники повернулись к нему спиной и продолжили свой путь.

– Вот же грубиян! – прокомментировал Диксон. Его лицо покраснело, поскольку он всегда болезненно воспринимал чужую грубость. – Ты заметил? Он иностранец.

– Он скотина, а не иностранец, – поправил Херитидж. – Но если подобный тип думает, что прогнал меня, я из принципа не уйду. Со стороны моря стены наверняка нет, так что мы по любому войдем. Я не успокоюсь, пока не увижу это место.

Вскоре деревья поредели, и дорога пошла через заросли орешника, пока не кончилась у лощины, по дну которой бежал ручей, обозначенный на карте как Лэйвер. Поросшие травой склоны спускались к воде, которая, сверкая золотом, стремилась в сторону заката. Чуть дальше лощина расширялась, склоны немного отступали, и море своим языком слизывало сладкую воду, текущую с зеленых холмов. Лэйвер – довольно спокойная речушка после того как распрощается с холмами, которые ее породили; дальше она течет через цепочку прудов, полных прозрачной воды, и вдоль широких отмелей, извивающихся среди вересковых пустошей и более высоких лужаек; но перед самым впадением в море Лэйвер словно сходит с ума и впадает

в детство, вспоминая о том, как он водопадами прыгал с одного гранитного уступа на другой. Внизу среди зеленых зарослей кристально чистая вода плескалась и бурлила, словно бы решила часок порадоваться жизни, перед тем как слиться со спокойным морем.

Хэритидж бросился на траву.

– Хорошее место! О боги, что за превосходное местечко! Канкан, разве ты не рад, что пришел сюда? Думаю, этим вечером все заколдовано. Это деревня заколдована, и чай у старушки был тоже заколдован. Добрая белая магия. А тот мерзкий трактирщик и этот разбойник у ворот – это магия черная. А мы здесь – на родине всего волшебства, в священном Авалоне, где «вода поет влюбленным» и все такое прочее!

Диксон слушал его, усмехаясь.

– Что-то я не могу понять вас, мистер Херитидж. Еще вчера вечером вы утверждали, будто вы великий демократ, а сегодня вам помешали парни, что разбили лагерь у болота. И вы едва не покусали меня, когда я заикнулся, что люблю Теннисона. А сегодня... – и мистеру Макканну не хватило слов, чтобы выразить метаморфозу, произошедшую с Херитиджем.

– Чертов прагматичный шотландец, вы желаете определенности во всем, – было ему ответом. – Не напоминайте мне, что я непоследователен! У меня есть поэтическое право валять дурака, и если уж меня не понимаете вы, то я стократ не понимаю себя и сам! Все, что мне сейчас ясно, так это то, что я молод и весел, а на дворе весна!

Мистер Херитидж определенно был в странном настроении. Он даже принялся насвистывать – с таким видом, будто мысли его блуждали где-то далеко.

– Вы знаете эту мелодию? – вдруг спросил он.

Диксон, который не смог уловить ни одной мелодии в его посвисте, ответил, что не знает.

– Это ария из одной русской оперы, вышедшей незадолго до войны. Забыл имя композитора. Веселенькая штучка, не правда ли? Я всегда насвистываю ее, когда нахожусь в таком настроении, поскольку она связана с величайшим переживанием в моей жизни. Вы, помнится, говорили, что никогда не были влюблены?

– А вы были? – спросил Диксон, желая уйти от ответа.

– Да, я был – два года назад. В начале 1918-го я оказался со своим батальоном на итальянском фронте и, поскольку я немного знаю этот язык, меня вытащили из окопов и отправили в Рим – работать там связистом. Была как раз Пасха, погода стояла отличная, и я был рад оставить передовую. Я был доволен собой и наслаждался жизнью. Там, где я остановился, жила одна девушка – русская принцесса из какого-то большого и древнего рода. Но в Риме она была беженкой и, конечно же, бедной, словно церковная мышь. Помню, как своей заштопанной одеждой она выделялась на фоне всех этих зажиточных римлян... Но, боже мой, как она была прекрасна! В мире нет ничего равного ее красоте! Она была почти еще девичьей-подростком, но как она пела наедине с собой, спускаясь утром по лестнице во двор! Меня отправили обратно на фронт раньше, чем я успел хотя бы познакомиться с ней, но пару раз она пожелала мне доброго утра – этак робко-робко, а глаза и голос у нее были точно как у ангела. Я схожу с ума от любви к ней, но это безнадежная любовь, Канкан, совершенно безнадежная. Я никогда не встречу ее вновь.

– Спасибо за ваше доверие и этот рассказ, – благоговейно промолвил Диксон.

Поэт, который, казалось, пришел в восторг от воспоминания о своих горестях, вскочил на ноги и наградил Диксона чувствительным тычком в спину.

– Не говорите о доверии таким тоном, будто вы газетный репортер. Так что насчет того дома? Если мы хотим увидеть его до темноты, то нам лучше поторопиться.

Когда они двинулись к морю, то заметили, что зеленые склоны слева от них заросли ракитником и кустами. Пробившись через этот живой заслон они, к своему удивлению, обнаружили, что стены, защищающей поместье Хантингтауэр, с этой стороны нет. Вдоль гребня вилась дорожка, когда-то присыпанная гравием, а нынче заросшая сорняками. Пройдя еще

далее, они через заросли лавра и рододендронов вышли на длинную полосу травы, походившую на боковую аллею, часто встречающуюся в старинных шотландских поместьях. По ней они достигли небольшой рощи из буковых деревьев и падуба, за которой уже смутно виднелась каменная стена дома. Не сговариваясь, они пробирались украдкой, перебегая от одного укрытия к другому, пока в дальнем конце рощи не обнаружили низкий заборчик вокруг акра или двух голых земли, когда-то бывших лужайкой и клумбами перед главным зданием поместья.

Очертания его четко вырисовывались на фоне розовеющего закатного неба, но поскольку они смотрели на восточную стену дома, все детали его скрывала тень. Однако и увиденного Диксону оказалось достаточно, чтобы испытать культурный шок и потрясение, оставшееся с ним на всю жизнь. Он ожидал найти здесь что-то средневековое, времен короля Джеймса и баронов. Вместо этого он увидел перед собой новодел, которому не было и двадцати лет. Какое-то внутреннее безумие побудило архитектора создать копию английского дома в стиле Тюдоров в шотландской провинции, где подобное было неслыханно. Представлены были все элементы: эркерные окна с ромбовидными стеклами в них, трубы дымоходов, высокие и словно бы скрученные, и даже сам камень был выкрашен красным, как если бы имитировал необожженный кирпич старинной кентской усадьбы. Дом был новым, но успел уже странным образом обветшать: выюнок сорвался со стен и лежал внизу, пилястры на террасе осыпались, лишайник и мох покрывал пороги. Запертый, тихий и заброшенный, дом стоял надгробным памятником всем человеческим надеждам, словно бы молча напоминая: «Memento mori!»¹

Ни одно здание, виденное раньше, не вызывало у Диксона такого чувства неловкости и беспокойства. Он-то представлял себе старую каменную башню на живописном мысу. Вместо этого среди деревьев парка он наткнулся на такое убожество. Следы упадка, обнаруженные на чем-то новом, только что построенном, выглядят вдвойне противоестественными, а этот новодел уже разрушался. Хотя ни одна труба не дымила, дом казался мистическим образом живым, обладающим собственной личностью, и словно излучал какую-то зловещую ауру. Диксон почувствовал сильнейшее отвращение, почти страх, ему захотелось уйти подальше от этого дома и сделать это как можно быстрее. Солнце, стоящее уже очень низко, загло красным светом верхушки елей слева и справа от входной двери, и у Диксона мелькнула безумная мысль, что они похожи на факелы, горящие по сторонам гроба.

Хорошо, что наши двое двигались тихо и держались в тени. На тропинке, проходившей через лужайку сразу за низеньким забором, слышались шаги, и на ней появилась фигура смотрителя из Западной сторожки: он что-то нес за спиной, но что именно, разобрать было невозможно из-за сгуставшихся сумерек.

Послышались другие шаги, приближавшиеся с противоположной стороны лужайки. Шел мужчина, и по неравномерному звуку его шагов по вымощенной плитками дорожке было понятно, что он хромал. Двое сторожей встретились у двери и обменялись парой фраз; затем они снова разошлись и двинулись поодиночке с каждой стороны дома, словно были солдатами в патруле или надзирателями, расхаживающими по коридорам тюрьмы.

– Давай выбираться отсюда, – сказал Диксон и повернулся, чтобы уйти.

В воздухе висела странная тишина, которая бывает только перед закатом, когда птицы уже прекратили свою возню, а звуки ночи еще не начались. Внезапно в этой тишине раздались звуки музыки; казалось, они исходили из дома. Там кто-то пел – тихо, но очень красиво и мелодично.

Диксон остановился. Звуки незнакомой песни подействовали на него словно порыв свежего ветерка, разом унеся прочь всю его грусть и подавленность. Дом больше не выглядел могильным памятником. Диксон увидел, что двое мужчин прервали свой обход, поспешили

¹ Помни о смерти (лат.).

назад, снова обменялись парой слов и почти побежали, словно испугавшись музыки. Потом Диксон посмотрел на своего спутника...

Херитидж стоял на одном колене и внимал песне, лицо его выражало явное восхищение. Двигаясь словно во сне, он поднялся на ноги и, казалось, собрался отправиться напрямик к дому. Диксон схватил его за рукав и потащил в кусты; поэт не сопротивлялся, следуя за ним будто сомнамбула. Они пробились сквозь кустарник, пересекли травяную аллею и спустились по склону холма к берегу ручья.

Тут Диксон впервые заметил, что лицо Херитиджа стало совершенно белым, а на висках его выступил пот. Его спутник лег на живот и, словно собака, принялся пить воду прямо из ручья. Потом он поднял на мистера Макканна взгляд, полный безумия.

– Я возвращаюсь, – выдохнул он. – Это голос той девушки, которую я встретил в Риме, и она поет ту же самую песню!

ДУГАЛ

– Вы не сделаете ничего подобного. Мы идем домой. Нас ждут к ужину не позже девяти пятнадцати, – сказал Диксон.

– Нет, я возвращаюсь туда.

Херитидж явно сошел с ума, и его не следовало раздражать. Справиться с ним было можно, только потакая ему во всем.

– Я предлагаю подождать с этим до утра. Уже почти стемнело, а там бродят дозором эти два уродливых типа. А утром мы придумаем, как лучше попасть туда.

Казалось, Херитидж прислушался к его словам. Он позволил отвести себя по уже темным склонам к воротам, за которыми начиналась дорога в деревню. Но ступал он неуверенно, словно бы голова его была занята напряженными размышлениями. Только один раз он нарушил молчание:

– Ты ведь тоже слышал пение?

Диксону не хотелось его обманывать.

– Кое-что слышал, – признался он.

– Но это же был женский голос, правда?

– Звучало похоже, – согласился Диксон. – Но, возможно, это была чайка.

– Возможно, что ты идиот, – довольно грубо ответил Поэт.

Возвращение в деревню было унылым и не шло ни в какое сравнение с энергичностью начала их экскурсии. В душе Диксона царил хаос из чувств, причем все они были неприятного свойства. Он столкнулся с чем-то таким, что с первой секунды возненавидел слепо и яростно, но проблема заключалась в том, что он не мог понять, чем именно вызвана эта ненависть. Ведь не мог же на него так подействовать один только вид уродливого дома, запущенного сада или парочки недоброжелательных слуг? Нет, подобная мысль была абсурдна. Но факт оставался фактом: желая попасть в Аркадию, он оказался в местности, которая наполнила его безотчетным страхом и желанием сбежать оттуда. Никогда за все прошедшие годы он не ощущал этой глупой, почти детской паники, лишаящей окружающий мир красок, а его самого воли к жизни. Он попробовал найти в случившемся юмористическую сторону, но потерпел неудачу. Один взгляд на Херитиджа, ковыляющего рядом с ним с видом помешанного, убедил Диксона, что ситуация, в которую они попали, была вовсе не смешной. Какая-то злобная эманация, исходящая из того адского местечка, свела Поэта с ума. А тут еще этот голос и пение! «Чайка!» – сказал он себе. Диксон подумал, что голос больше подходил соловью – птице, которую он никогда не видел вживую.

Миссис Морран уже зажгла лампу и развела огонь в очаге на своей миленькой кухне. Ее уютный вид вернул Диксону толику его обычной невозмутимости, и к своему удивлению он обнаружил у себя даже какой-никакой аппетит. На ужин было свежее молоко, густое от сливок, и остатки сладостей, которые подавали за чаем, дополненные благородного вида холодцом, который хозяйка величала «головой в горшке». Миссис Морран не мешала их ужину, хлопоча по хозяйству за занавеской в задней части кухни. Херитидж выпил стакан молока, но к еде даже не прикоснулся.

– Четыре часа назад я называл это местечко райским, – глухо сказал он, глядя на столешницу. – Так оно и есть, но теперь мне кажется, что и ад здесь где-то неподалеку. За этой парковой стеной творится что-то дьявольское, и я намерен докопаться до сути.

– Ой, это все ерунда, нонсенс! – с притворной веселостью отозвался Диксон. – Завтра мы с тобой отправимся в Ошенлохан. Нам нет дела до старых уродливых домов и их разбойников-сторожей.

– Завтра я пойду в поместье. Если не хочешь идти со мной, то не ходи, но отговаривать меня не пытайся. Я принял решение.

Херитидж отодвинул стаканы и освободил на столе местечко для карты.

– Сначала требуется прояснить топографию, как перед битвой. Смотри, Канкан, дорога мимо гостиницы, по которой мы дважды прошли сегодня вечером, идет с юга на север. Один ее конец упирается в речку Лэйвер, а другой оканчивается у Южной сторожки. За стеной мы имеем заросли бука и ясеня, затем на запад – своего рода парк, а за ним – лужайка у дома. Слева и справа заросли пересекают две аллеи. За домом со стороны моря находятся конюшни и что-то похожее на обнесенный стеной садик, а дальше идет открытое пространство, на котором обозначены только голубятня и руины крепости Хантингтауэр. И дальше – совсем ничего до самого обрыва к морю. Ты понимаешь? Судя по карте, до скального мыса можно добраться вдоль речки Лэйвер, поскольку весь берег там изрезан оврагами. Но посмотри на другую сторону, где речка Гарпл. Она течет по дну большой расщелины, и в конце ее имеется даже что-то вроде пристани. Это означает, что там довольно глубоко. Здание поместья стоит ближе к речке Гарпл. У тебя есть вопросы? Мы не сможем отправиться на разведку, если у нас в голове не будет точного представления о рельефе местности.

Диксон хотел сказать, что не собирается отправляться ни на какую разведку, но в этот момент из-за занавески послышался шум – миссис Морран кого-то громко отчитывала:

– Эй, парень, да ты больной, что ли?! Эй, па-а-арень! (крещендо) Не гваздай мне грязными ногами крыльцо! Хочешь украсть мои лепешки?! Я тебе с утра сказала, что ты их не получишь – сначала уплати за вчерашние! Ах ты, воришка голодный! Кабы я могла сыскать в нашей глуши полисмена, я бы тебя в тюрьму сдала! Что ты там талдычишь? Что ты не за едой приперся?! Ах, ты хочешь перекинуться словом с жентельменами, что у меня квартируют? Старый тебе якобы знаком? Ну, я-то думаю, что это наглая ложь, но пусть жентельмены уж сами решают.

Миссис Морран, несколько театрально взмахнув посудным полотенцем, отдернула занавеску и вытолкнула на середину кухни довольно необычного персонажа. Это был чумазный мальчишка лет пятнадцати (если судить по его лицу), но такой низкорослый, что по фигуре ему трудно было дать больше двенадцати. Под огненно-рыжими волосами, торчащими, словно пучки соломы, имелось бледное веснушчатое лицо, на котором резко выделялись угрюмые серо-зеленые глаза, а курносый нос был уравновешен широким ртом со щербатыми зубами. Но каким бы примечательным ни было его лицо, одежда паренька была еще более странной. На голове красовалась обычная бойскаутская шляпа, но чересчур мальчишке большая, отчего она сползала на его красные уши. Грудь прикрывала древняя рубашка цвета хаки, когда-то, очевидно, принадлежавшая взрослому солдату; просторные рукава ее были закатаны до плеч и подвязаны веревочкой, открывая пару тощих рук. Среднюю часть фигуры мальчишки прикрывал самодельный шотландский килт, сделанный, вероятно, из старой скатерти, поскольку смелый его узор по цвету не принадлежал ни к одному известному клановому тартану. Скатерть была подвязана широким ремнем, за который был заткнут обломанный на конце нож-тесак, а шею сорванца украшали завязанные узлом обрывки большого шелкового платка. Ноги паренька были босыми, синими, поцарапанными и очень грязными, а пальцы на ногах имели тот особый цепкий вид, который присущ обезьянам и уличным мальчишкам, не пользующимся обувью ни зимой, ни летом. В руке новоприбывший держал длинную ясеневую палку, очевидно, вырубленную совсем недавно из какой-нибудь молодой поросли.

Такой вот мрачный персонаж, набычившись, стоял перед двумя джентльменами посреди кухни миссис Морран. Глядя на него, Диксон вспомнил Мирнс-стрит и парад самозванных «бойскаутов», маршировавших под грохот привязанных к их палкам консервных жестянок. Перед ним стоял Дугал, вождь «Крепких Орешков». Диксон вспомнил о благотворителе Макинтоше и своем собственном денежном пожертвовании в размере десяти фунтов в фонд

будущего бойскаутского лагеря. Ему было радостно встретить здесь знакомого паренька, поскольку среди неприятных дел, которые ему, похоже, скоро предстояли, он являлся утешительным напоминанием о домашнем покое.

– Рад видеть тебя, Дугал, – с улыбкой сказал мистер Макканн. – Как твои дела? Ты действительно совершаешь каждый день по одному доброму делу, как собирался?

Лицо атамана разбойников потемнело.

– Добрые дела! – с горечью в голосе повторил он. – Я те честно скажу, мистер, я измотался уже весь за этими добрыми делами! Старый Макинтош божился, что устроит нам шикарные каникулы! Каникулы! Дерьмо, а не каникулы! Это мне в субботу вечером на пустыре каникулы – сплошная драчка, одна за другой!

Никакое сочетание букв не в состоянии воспроизвести на письме выговор и акцент Дугала, поэтому я даже не буду пытаться это сделать. В нем сквозили ирландские нотки, было что-то от мюзик-холла, а также странные вариации наречия южного Глазго. Гласные буквы давались ему хорошо, но вот согласные, особенно буква *T*, оставались лишь благими намерениями.

– Садись и расскажи нам о своих проблемах, – предложил Диксон.

Мальчишка оглянулся на занавеску, из-за которой еще слышалось ворчание миссис Морран, сделал шаг назад и задернул полог.

– Не хочу, чтобы эта старая курица слыхала, – пояснил он, затем присел на коврик у камина и потер свои иссиня-черные голени. Глядя на отблески огня, вождь «Крепких Орешков» заметил: – Я видел вас седни у Большого дома.

– Что, ты нас видел?! – внезапно заинтересовался Херитидж. – А где ты был?

– В семи футах от твоей башки выше по дереву. Это мой главный схрон и, дьявол меня заберит, он мне нужен! Потому что Лин преследовал меня с пистолетом – он пальнул в меня позавчера! – и Дугал с угрюмой гордостью продемонстрировал дырку в своем килте, добавив: – Кабы я был тогда в штанах, он бы меня уделал!

– Кто этот Лин? – спросил Херитидж.

– Энтот, в черном пальте. А того, который хромый, прозывают Спитталом.

– А ты откуда знаешь?

– Слышал, как они трекали промеж собой.

– Но зачем было этому человеку в тебя стрелять?! – удивился Диксон.

– Зачем?! Дак они до смерти пугаются всякого, кто приближается к их Большому дому! Они пара чертей похуже краснокожих, но они там все потные от страха. Зачем? Так я вам скажу: они там скрывают Секрет. Я понял это, как только увидел рожу этого ублюдка Лина. Я уже наткался на схожего с ним у киношки в Глазго. Он только открыл рот, чтобы ругнуться, а я уж сообразил, что он пришлый – ино... ино-сранец, как те моряки в квартале Брумилау. Дело было гнилое, потому я не стал дожидаться худшего и дал деру. Тогда-то он и пальнул в меня.

– Так ты его не боишься, что ли? – спросил Диксон.

– Чего же, боюсь, ясен пень. Но никому не дозволяется наставлять ствол на «Крепкого Орешку»! Я встретился со своими у костра, и мы решили докопаться до дна всего их дерьмового бизнеса. А коли я командир, так кому сподручнее взять на себя самое опасное задание? Ясное дело, мне. Потому я и ползал там на животе, вынюхивая всю их политику. И я разнюхал кое-что странное.

Херитидж вскочил и наклонился ближе к сидящему на корточках у огня «Крепкому Орешку».

– Что ты узнал? Выкладывай! Давай же, расскажи мне! – голос его был резким и взволнованным.

– Шас, как же! – ответил Дугал, и глазом не моргнув. – Слова тебе не скажу, пока не узнаю, чем ты мне подмогнешь. Там куда как больше работы, чем я споначалу думал! Там чего-то побольше таится, чем просто Лин и Спиттал. Есть большой парень, который держит пивную, – Добсон его прозывают. Он приплыл из Нумерики, а там все бандиты. И есть еще два-три лагеря углежогов на болотах. Они тоже в деле – Добсон балакал с ними этим утром. Когда я вас увидал, я сподумал, что вы тоже из ихней банды, а потом я спознал, что один из вас – старый Макканн, что держит лавку на Мирнс-стрит. Я заметил, что вы прятались от этого Лина, и пошел за вами сюда, потому как рассудил, что мне не повредит ваша подмога.

Хэритидж схватил Дугала за плечо и одним рывком поставил мальчишку на ноги.

– Ради Христа, парень, расскажи мне, что ты узнал! – крикнул он.

– А ты мне сподмогнешь?

– Да, конечно же, маленький ты идиот!

– Тогда побожитесь, – сказал этот богомолец. Из грязного кармана рубахи он извлек на свет божий потрепанную книжицу под названием «Священные псалмы и гимны». – Вот, возьми это в правую клешню, а левую положи на мою палку и повторяй за мной: «Клянуся не болтать языком то, что мне скажут по секрету, и клянуся быть быстрым и верным, когда мне велит командир, и помогай мне в том Бог». А теперь поцелуй книжку.

Диксон заявил, что это все чушь собачья и уже хотел отказаться, но, глядя, как Хэритидж послушно повторил слова клятвы, смирил свою гордость и последовал его примеру. Таким образом, наши двое были приведены к присяге.

– Теперь выкладывай, – велел Хэритидж.

Дугал снова опустился на коврик перед камином. Он был явно доволен, оказавшись в центре внимания.

– Сегодня с утра, – неторопливо начал он, – я забрался в этот дом.

– Да ты отважный парень! – сказал Хэритидж. – И что ж ты там увидел?

– Я забрался внутрь этого дома, да только не с первой попытки. И даже не со второй. Я сыскал угол, где меня никто не застукал бы, коли только нарочно туда б не заявился и попробовал влезть по трубе в окно. Но ветер так задувал, что я едва шею себе не свернул. Тогда я спробовал через крышу, но там не было окон. Так что я влез через угольную яму. Вот почему вы, небось, думаете, будто я не очень уж чистый-плотный.

Терпение Хэритиджа было почти на пределе.

– Мне дела нет, как ты вошел. Что ты увидел внутри, маленький ты дьявол?

– Внутри того дома, – медленно произнес Дугал, и в голосе его послышалось сожаление, как будто он собирался рассказать о горах золота и стерегущих его бандитах, но не хотел врать, – внутри того Дома нету ни фи́га, окромя двух женщин.

Хэритидж с серьезным лицом присел на корточки рядом с Дугалом.

– Опиши их, – потребовал он.

– Одна из них – старуха, прямо как вот эта, – Дугал мотнул головой в сторону кухни. – Она даже головы не подняла, когда я влез.

– А другая?

– О, просто девчонка.

– Да, но какая она была?

Дугал, казалось, подыскивал подходящие для ее описания слова. И он нашел их – в популярной песенке:

«Она – вторая Грета Гáрбо,

И ее прекрасней нет!

Блонд она, как Грета Гáрбо,

И одета в креп-жоржет!»

И, нисколько не смутившись под яростным взглядом Хэритиджа, он продолжил:

– Она либо англичанка, либо вообще черти откуда, потому как она не могла спонять, что я сказал, а я ни черта не разбирал ее говор. Но я спонял, что она поздоровкалась со мной. Она была вроде как напугана, но виду не подавала. Я спросил, могу ли я сделать для нее какое-нибудь доброе дело, а она, когда поняла о чем это я, ужасно взволновалась и спросила, видал ли я в саду мужчину – такого большого, с желтой бородой. Я так смеаю, что она не знала, как его кличут, или, может, не хотела мне сказать. Старуха смертельно боялась, я это сразу понял, хотя она и лопотала не по-нашему. Этот Лин с приятелями пугал их обеих до чертиков, и я только начал докладывать, кого приметил в саду, как за дверями послышались шаги того хромого. Дамочка хотела спрятать меня за диваном, но я не дурак попадаться в такую ловушку, поэтому я выскочил в другую дверь, скатился по черной лестнице в кухню и дал деру через яму для угля. Черт, они меня там почти поймали!

Дугал вскочил на ноги.

– Мне щас надо в лагерь, чтобы отдать приказы на утро. Я еще вернусь к тому Дому, потому что это уже личный бизнес – драчка «Крепких Орешков» с паскудниками, что пугают женщин. Вопрос в том, пойдешь ли ты со мной? Помни, что ты побожился! Но если трусишь, я не обижусь, хоть и не совру, если скажу, что буду рад компании. Твоей-то уж по-всякому, – кивнул он Херитиджу, – а вот он... старый Макканн, небось, и не пролезет в угольную яму-то...

– Ты, малолетний преступник, с чего это ты решил, что мы отправимся с тобой?! – возмутился Диксон. – Нельзя вламываться в чужие дома! Это работа полиции!

– Как хочешь, – пожал плечами Дугал и посмотрел на Херитиджа.

– Я иду с тобой, – быстро сказал тот.

– Тогда утром сделай вид, будто нюхаешь цветочки возле речки Гарпл. Я тебя там сыщу и дам парочку приказов.

Без лишних слов Дугал скрылся за занавеской, попрощался с миссис Морран, и через секунду наши двое услышали, как хлопнула задняя дверь.

Поэт сидел неподвижно, зажав голову ладонями, а Диксон в сильном беспокойстве расхаживал туда и сюда по кухне. Он даже забыл зажечь трубку.

– Вы же не станете подчиняться этому оборванцу? – рискнул спросить он.

– Я обязательно должен попасть завтра в этот дом, – ответил Херитидж, – и если он сможет показать мне туда дорогу, тем лучше. Он, похоже, парень решительный. Много их таких у вас, в Глазго?

– Хватает, – кисло ответил Диксон. – Послушайте, мистер Херитидж... Вы не вправе ожидать, что я стану забираться в чужие дома только потому, что меня попросил о помощи какой-то голодранец. Я респектабельный торговец... по крайней мере, был таковым. Кроме того, я приехал сюда отдыхать, а не влезать в чужие дела!

– Поступайте, как хотите. Только, понимаете ли, я почти уверен, что в этом месте – моя знакомая, а даже если это и не так, то все равно там женщины в опасности. Если хотите, мы попрощаемся после завтрака, и вы можете отправиться дальше, как если бы никогда не сворачивали на этот проклятый мыс. Но я должен остаться.

Диксон застонал. Его мечта об идиллическом отпуске рушилась на глазах. Книжная романтика растаяла от обжигающего огня грубой реальности, пахнувшей мелодрамой и, вероятно, даже гнусным преступлением. Эти мысли причиняли ему боль и страдание, но потом одно соображение заслонило собой все остальные: возможно ли было, что все романтические происшествия в моменты их свершения были такими же грубыми и уродливыми и сияли яркими красками только в ретроспективе, в воспоминаниях? Может быть, он ошибался в самой сути своей твердой веры в романтику?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.